

История поселка Псебай. К 160-летию

Издание второе, исправленное и дополненное

Чернов Сергей Васильевич
п. Псебай
2022 г.

Сергей Чернов

**История поселка Псебай. К
160-летию. Издание второе,
исправленное и дополненное**

«Издательские решения»

Чернов С. В.

История поселка Псебай. К 160-летию. Издание второе,
исправленное и дополненное / С. В. Чернов — «Издательские
решения»,

ISBN 978-5-00-593855-8

Книга об истории Псебая охватывает период от возникновения до последних
дней, посвящена знаменитым землякам, а так же истории КНАУФ ГИПС
Псебай. Для всех, кто интересуется историей поселка Псебай.

ISBN 978-5-00-593855-8

© Чернов С. В.
© Издательские решения

Содержание

I. Введение	6
II. Основная часть	13
1. В далеком прошлом	13
2. Основание Псебая	24
Конец ознакомительного фрагмента.	46

История поселка Псебай К 160-летию. Издание второе, исправленное и дополненное

Сергей Васильевич Чернов

На обложке размещен фрагмент археологической карты.

© Сергей Васильевич Чернов, 2022

ISBN 978-5-0059-3855-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

I. Введение

Сегодня никого не удивляет огромный интерес людей к своему прошлому, в том числе и к истории таких небольших поселков, как Псебай. Однако их уже не удовлетворяют устные рассказы, передаваемые из поколения в поколение. Требуется документированное повествование. Попытка его создать и явилась основной побудительной причиной к написанию данной работы. Ведь до сих пор не была известна ни точная дата основания поселка, ни этапы его заселения, ни имена выдающихся деятелей, бывавших здесь. Узость документальной базы вынудила автора ограничиться временными рамками, охватывающими период с 1856 по 1975 гг. При этом весь собранный материал условно делился на несколько блоков, которые можно считать задачами сочинения:

1. Дается описание географического и природного положения поселка, небольшой обзор археологических исследований местности.
2. Делается попытка ответа на вопрос о дате основания Псебая, о роли и месте солдат Севастопольского полка, рисуется картина первых годов существования.
3. Воссоздается картина хозяйственной жизни 80—90 гг. XIX в. и детально описывается социальный конфликт на почве земельного вопроса.
4. Необходимо показать роль великого князя Сергея Михайловича Романова в жизни нашей станицы.
5. Должна быть воссоздана картина революционных потрясений и участия в них наших земляков.
6. Воссоздается картина событий периода Гражданской войны и последующих событий.
7. Представлен материал о периоде Великой Отечественной войны.
8. Дана картина жизни поселка в 60—70 гг. XX в.
9. Говоря о современной жизни поселка, совершенно невозможно обойти вниманием такое производственное объединение, как «КНАУФ ГИПС КУБАНЬ».

В основу работы были положены архивные дела и справки Государственного архива Краснодарского края. Они опираются на военные донесения непосредственных участников тех лет. Конечно, полностью доверять им не стоит, т. к. офицеры сознательно преуменьшали потери собственных войск и преувеличивали аналогичные потери у противника. Более объективная картина возникает тогда, когда их начинаешь сравнивать с воспоминаниями Михаила Ивановича Венюкова (23.06.1832—04.07.1901). Это был географ, путешественник, историк и этнограф. В свое время он окончил Академию Генерального штаба (1856), но большую часть жизни провел в путешествиях. Бывал на Дальнем Востоке, Кавказе, в Средней Азии, Японии, Китае, Турции, Африке, Центральной и Южной Америке. Михаил Иванович оставил многочисленные работы по географии, картографии, этнографии, геологии, статистике, истории. Еще в петербургском кадетском корпусе Венюков сблизился с петрашевцами; на службе в Иркутске в 1857 г. стал близким другом В. Петрашевского. Долгое время являлся корреспондентом «Колокола» А. Герцена. Публиковал в этом журнале письма о Сибири, Кавказе, Китае, часть которых позднее была издана отдельными печатными сборниками. С осени 1861 г. по осень 1863 г. Михаил Иванович служил в Закубанье (Псебай, Севастопольский полк). Оставил напечатанные в «Русском архиве» (М., 1880, кн. 1) «Кавказские воспоминания. 1861—1863», отрицательно встреченные А. Зиссерманом, а также статьи: «Очерк пространства между Кубанью и Белой» (Записки Русского географического общества, СПб, 1863, кн. 2), «К истории заселения Западного Кавказа. 1861—1863» (Русская старина, СПб, 1878, 6). Все эти работы Венюкова явились важнейшим источником по истории нашего поселка и Кубани в целом на этапе завершения Кавказской войны. Что до биографии их автора, то в 1867 г. в Женеве он встречался с А. И. Герценом и Н. П. Огаревым. Венюков автор «Очерков совре-

менного Китая» (1874), в которых впервые в России освещалось восстание тайпинов; книг по истории Японии и ее взаимоотношений с США и Россией, работ по истории географических исследований. В 1877 г. Михаил Иванович эмигрировал из России и принимал активное участие в вольной русской печати. В 1878—1880 гг. в Женеве, в типографии, принадлежавшей ранее русской секции I-го Интернационала, были напечатаны «Исторические очерки России со времени Крымской войны до заключения Берлинского договора» (т. 1—4, Лейпциг; Прага. 1878—1880); где Венюков с революционных позиций выступает против самодержавия. Издание вышло анонимно и было запрещено в России.

Согласно завещанию Венюков охоронен рядом с могилой А. И. Герцена в Ницце. Именем Венюкова назван перевал через хребет Сихотэ-Алинь и селение на берегу Уссури [1]. К числу документальных основ работы можно отнести и записки наказного атамана Евгения Адзеры. Наказные атаманы назначались военным министерством, и в их задачу входил контроль за состоянием общего порядка и спокойствия, приведение в исполнение решений станичного схода и судебных органов. К сожалению, об этом авторе ничего не известно кроме того, что в 1893 г. он проводил ревизию в нашем поселке и составил довольно длинный перечень нарушений существовавших тогда законов. Бесценный источник информации, т. к. автору не было необходимости приукрашивать действительность.

Одним из главных источников является труд М. К. Вальтера. Мечислав Константинович Вальтер родился 22 августа 1854 г. Вероисповедания римско-католического. Окончил Михайловскую Воронежскую военную гимназию и 3-е военное Александровское училище (1874) — по второму разряду; офицерскую стрелковую школу (с оценкой «успешно»). В службу вступил 8 августа 1872 г. Произведен в офицеры 7 августа 1874 г. — в чин прапорщика, со старшинством с 7 августа 1874 г. Направлен в 75-й пехотный Севастопольский полк.

Участвовал в Русско-турецкой кампании 1877—1878 гг. Был контужен 20.09.1877. С 30 октября по 10 ноября 1877 г. командовал 12-й ротой. С 27 по 29 сентября 1877 г. командовал 13-й ротой. С 29 сентября по 30 октября 1877 г. командовал 15-й ротой. С 10 ноября 1877 г. командовал 16-й ротой (16 лет и 6 месяцев). Во время прохождения службы занимал должности: командира роты — 16 лет 6 месяцев; вр. командира батальона — 1 год 4 месяца; вр. командира отдельного батальона — 2 года 6 месяцев; начальника казар. (?) и Мервского и Красноводского воинского начальника — 1 год 9 месяцев; начальника Кучикамского гарнизона — 4 месяца;

Автор книг: «Описание боевой жизни 75-го пехотного Севастопольского полка в минувшую войну 1877—1878 года» (Тифлис, 1885. 11, 164 с.; 3 л. план.), «История 75-го пехотного Севастопольского полка. 1856—1899 гг.» (Тифлис, б. г. 16, 864 с. Изд. литогр.). До 27.03.1900 в 6-м Закаспийском стрелковом батальоне. С 27 марта 1900 г. командир 8-го Закаспийского стрелкового батальона. С 23 февраля 1903 г. командир 262-го пехотного резервного Сальянского полка. Умер в должности, 23 февраля 1907 года.

Семейное положение: холост.

Носил звания: Прапорщик 07.08.1874 (со старшинством 07.08.1874), Подпоручик 30.07.1876, Поручик 10.06.1877, Штабс-капитан 09.01.1878 («За боевое отличие»), Капитан 15.05.1883, Подполковник, 26.02.1894, Полковник (ВП 17.02.1900), «За отличие по службе» Генерал-майор (ВП 22.06.1906) «За отличие по службе», со старшинством применительно к п. 3-му манифеста 18 февраля 1762 г.

Имел следующие награды: Св. Анны 3-й ст. с мечами и бантом (1877), Св. Владимира 4-й ст. с мечами и бантом (1878), Св. Станислава 2-й ст. (1888), Св. Анны 2-й ст. (1890), Орден Бухарская золотая звезда 3-й ст. (1896)

После смерти тело военного историка в 1910 г. с другими погибшими было перезахоронено в специально для этого построенной часовне при Михаило-Архангельском храме при Сальянских казармах. В 1970-е гг. она была уничтожена.

Труд М. К. Вальтера написан от руки, в рукописи были настолько плохочитаемые слова, что было принято решение переиздать труд методом копирования рукописи. В рукописи есть отсутствующие страницы (в оригинале пустые страницы с номерами).

К числу источников относятся и статистические данные Евгения Дмитриевича Фелицина. Будучи главою Кубанского областного статкомитета, он подготовил огромный материал, который впоследствии частично использовал в своих работах. Он положил начало изданию памятных книг Кубанской области. Материал некоторых из них стал краеугольным камнем данной работы [2].

Важным источником информации служит труд А. Берже. Адольф Петрович Берже (рус. дореф. Адольфъ Петровичъ Бержѣ, 28 июля [9 августа] 1828, Санкт-Петербург – 31 января [12 февраля] 1886, Тифлис) – российский историк-востоковед, кавказовед, археограф, председатель Кавказской археографической комиссии в 1864—1886 годах, а также дворянин и чиновник Российской империи (действительный статский советник с 1868 г., тайный советник с 1886 г.). Важнейшей деятельностью ученого стала его работа в качестве председателя Кавказской археографической комиссии. На эту должность Берже был назначен в апреле 1864 г. и продолжал занимать ее до самой смерти – в 1886 г. Из многочисленных трудов Берже, главным образом, по истории Кавказа и народов Востока, самыми видными признаются изданные под его редакцией в Тифлисе в 1866—1885 гг. 10 томов «Актов, собранных Кавказской археологической комиссией», в которых материалы по истории Кавказа доведены до 1863 г. После смерти Берже в 1886 г. были изданы 11-й (Тифлис, 1888) и 12-й (Тифлис, 1904) тома сборника.

Источником служит и сборник в двух томах «По обе стороны Кавказских гор», который представляет собой извлечение из «Актов, собранных Кавказскою Археографическою Комиссиею». Колоссальный труд, который дореволюционные исследователи под руководством академика Адама Бержэ создавали на протяжении нескольких десятков лет, включил в себя в первую очередь военные отчеты, правительственные указы, а также документы Министерства иностранных дел и ряда других ведомств, определявших государственную политику России на Кавказе. Благодаря кропотливой работе с первоисточником в сборник введен бесценный материал, дающий читателю целостное, комплексное восприятие событий конца XVIII – первой половины XIX в., происходящих на Северо-Западном Кавказе и на его южных склонах – в Абхазии и на прилегающих территориях. Книга дополнена обширным предисловием, комментариями и указателями составителя сборника, которые акцентируют внимание на исторических сюжетах, наиболее интересных для нашего современника. Этот сборник станет незаменимым для ученых, политиков и всех, кто интересуется историей Кавказа. В книге максимально сохранены орфография и пунктуация «Актов, собранных Кавказскою Археографическою Комиссиею».

О Памятных книжках Кубанской области Вагиф Кареев пишет: «На Дону и Северном Кавказе памятные книжки стали издаваться сравнительно поздно. Результат более позднего выхода в свет памятных книжек вышеупомянутых регионов имел и положительные черты. Памятные книжки Дона и Северного Кавказа лишены многих недостатков, присущих более ранним изданиям других губерний.

«Памятные книжки Кубанской области» выпускались с 1874 по 1894 гг. (с перерывами). Затем вместо них появились «Кубанские календари», по своей структуре напоминавшие ПККО. Тем не менее, книжки до сих пор являются весьма ценными источниками по истории, статистике, генеалогии и другим отраслям знаний края. Например в ПККО 1874—1876 гг. публиковались результаты межеваний участков земли с указанием имен владельцев участков. Эти сведения могут помочь краеведам и исследователями восстанавливать историю населенных пунктов региона и уточнять время их возникновения.

ПККО, прежде всего, отличаются стабильностью издания, хорошим соотношением научно-краеведческой, официальной статистической и справочной, бытовой информации,

основательностью в приемах сбора и обработки сведений, прекрасным полиграфическим исполнением, наличием развитой системы приложений. У составителей и редакторов памятных книжек нашего региона были прекрасные образцы для подражания – «Харьковские календари» и «Харьковские сборники». Неудивительно поэтому, что, едва начав выходить, памятные книжки нашего региона стали получать весьма высокие оценки в российской печати. [3]

Из использованной литературы выделяется труд А. Ф. Щербины «История Кубанского казачьего войска». Федор Андреевич Щербина (13 (25).2.1849, стан. Новодеревянковская ныне Краснодарского края – 28.10.1936, Прага, Чехословакия), земский статистик, историк, член-корреспондент Императорской АН (1904), общественный деятель. Выходец из семьи казацкого священника. Окончил Черноморское духовное училище (1866) и духовную семинарию (1870). Учился в I петровской земледельческой и лесной академии (1872—1874), в Новороссийском университете (1874—1876), но их не окончил. За народническую антиправительственную деятельность сослан в Вологодскую губернию (1877—1880). Занимался изучением земельной общины и артелей. В 1884—1902 гг. заведовал земским статистическим бюро в Воронежской губернии. Основоположник русской бюджетной статистики. Впервые ввел в программы и организацию статистических работ вопросы потребления и обращения денежных средств в крестьянских бюджетах. Разработал систему подпорных описаний по санстатистике. В 1896—1903 гг. возглавлял экспедицию по комплексному изучению 12 уездов Акмолинской, Семипалатинской и Тургайской областей для организации переселенческих хозяйств в район Сибирской ж. д. С 1903 г. на Кубани. Написал исследование по истории Кубанского казачьего войска и работы по истории и экономике региона. В 1907 г. Избран в состав 2-й Государственной думы. В 1917—1920 гг. входил в состав Кубанского войскового правительства, работал в Законодательной раде Кубани. В 1920 г. Уехал в Югославию, в 1921 г. Переехал в Чехословакию, преподавал в Чешской земледельческой школе, украинском Вольном университете, украинской Господарской академии. Одним из первых разработал учебный курс мировой сельскохозяйственной статистики. Вывел закон зональной зависимости между плотностью населения и степенью интенсивности с.-х. культур. Инициатор «Общества кубанцев в Чехословакии», идеолог казаков – самостийников [4].

Использован в работе и труд Иоганна Бларамберга (Жан-Мореде Бларамберг). Он родился в 1800 г. Во Франкфурте-на-Майне, в семье обедневших дворян. Окончив юридический факультет Гессенского университета, Бларамберг в 1823 г. Переехал в Россию. В 1828 г. Николай I приказал собирать сведения о горских и кочевых народах. И с 1832 г. Бларамберг занялся этой работой. За свой двухтомный труд он был дважды награжден деньгами (3000 и 1500) и орденом св. Станислава 3-й степени. Сама работа была засекречена.

В свое время Бларамберг был очень близок с народовольцами и даже несколько лет провел в коммунистической артели. Это наложило неизгладимый отпечаток на его труд. Он отстаивал мысль, что земля должна быть общенародной собственностью, и иногда «подгонял» исторические факты под нее. Большим недостатком его работ является отсутствие сносок на использованные источники [5].

Еще одним источником работы является труд Льва Васильевича Македонова – земского статистика. Родился в 1859 г. В крестьянской семье; высшее образование получил в московском техническом училище. Начал работать по статистике в 1882 г., в московском земском бюро. Принужденный покинуть Москву, Македонов поселился в Воронеже, где много лет был секретарем воронежской уездной земской управы; много работал по организации продовольственного дела во время голода 1891—1892 гг. и по постановке школьного дела. С 1901 г. Занимается исследованиями Кубанской области и Астраханского казачьего войска, применяя метод земских статработ. Работает также в периодической печати, преимущественно по вопросам земским и аграрным. Сотрудничает в настоящем Словаре по отделу географии. Л. В. Македонов автор двух фундаментальных работ: «В горах Кубанского края» (Воронеж, 1908) и «Насе-

ление Кубанской области по данным вторых экземпляров листов переписи 1897» (Екатеринодар, 1907).

В 1900 г. через Шедок проезжала группа екатеринодарских гимназистов, которыми руководил учитель А. Н. Дьячков-Тарасов (известный в конце XIX – первых трех десятилетиях XX в. археолог, этнограф и историк-кавказовед) Александр Николаевич – сын члена сухумской сословно-поземельной комиссии полковника Н. А. Дьячкова-Тарасова, служившего в Абхазии с 1867 по 1880 год. Известно, что он окончил гимназию в Тифлисе, затем словесное отделение историко-филологического факультета Московского университета. С середины 90-х гг. он – преподаватель русского языка и логики Екатеринодарской (ныне г. Краснодар) гимназии. В 1897 г. А. Н. Дьячков-Тарасов был одним из организаторов Общества любителей изучения Кубанской области, секретарем этого общества и вместе с В. М. Сысоевым – редактором «Известий» общества. В эти годы А. Н. Дьячков-Тарасов, как педагог и сторонник проведения систематических школьных экскурсий для познания родного края и живой природы, возглавил экскурсию своих учеников в Карачай. В 1908 г. он был назначен директором третьей Тифлисской мужской гимназии. В послереволюционное время А. Н. Дьячков-Тарасов переезжает в Ростов и здесь становится одним из организаторов Северо-Кавказского краевого горского научно-исследовательского института и краевого Горского музея. В институте он заведует отделом социальной культуры, руководит научными экспедициями по Карачаю, публикует статьи по истории, археологии, этнографии, географии. Тогда же А. Н. Дьячков-Тарасов получил звание члена-корреспондента Московского общества антропологии и естествоведения. Впоследствии он стал также членом Русского географического общества, Московского археологического общества, Северо-Кавказского бюро краеведения, состоял консультантом комиссии по исследованию естественно-производительных сил Юго-Востока (А. С. А.Н. Дьячков-Тарасов). Умер в 1929 г. в Ростове-на-Дону. [7].

А. Н. Дьячков-Тарасов

Свои впечатления он изложила в виде путевых заметок, которые позволяют по-другому взглянуть на жизнь поселка в начале XX в.

Краеугольным камнем работы служит «Энциклопедический словарь по истории Кубани», составителем которого является Б. А. Трехбратов. Исследование этого автора стало основой главы об участии псебайцев в первой русской революции. Из данного труда почерпнуты основные сведения о людях, сыгравших не последнюю роль в истории Псебая. Борис Алексеевич Трехбратов родился 20 октября 1940 г. в ст. Крымской (ныне г. Крымск) Краснодарского края. Окончил Краснодарский государственный педагогический институт (ныне Кубанский государственный университет), исторический факультет (1967). Работал учителем истории, заместителем директора, директором школы в Северском районе Краснодарского края (1967—1970). В 1970—1986 гг. – аспирант, старший преподаватель, доцент КубГУ. С 1986 г. (с перерывом) – заведующий кафедрой истории СССР, музееведения и архивоведения, истории и музееведения КГУКИ. Основные научные интересы: отечественная история и культура, история народов Северного Кавказа. Автор более 300 научных публикаций, в том числе 8 монографий, учебников и учебных пособий, среди них: «Северокавказское село в революции 1905—1907 гг.» (1987), «История Кубани с древнейших времен до начала XX в.» (2000) и другие. Доктор исторических наук, профессор, действительный член Академии гуманитарных наук (1997), Академии истории и политологии (1998) и Международной академии наук (2001). Лауреат премии администрации Краснодарского края в области культуры и искусств им. К. Б. Россинского (1996); победитель краевых конкурсов учебников и инновационных проектов (дважды – в 2000, 2001); «Отличник Советской Армии» (1960). Награжден медалями «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения В. И. Ленина» (1970); «Ветеран труда» (1992). Председатель Краснодарского краевого общества историков-архивистов, член правления Всесоюзного общества историков-архивистов (ныне расформированы), член редколлегии журналов и других изданий [8].

В работе использовались церковно-приходские книги по Псебаю, которые хранятся в районном архиве. При изучении такого специфического вида документов использован статистический метод, поскольку регистрировались не только акты браков, рождений и смерти, но и откуда прибыл человек и его социальное положение. Основной недостаток книг заключается в отсутствии некоторых из них, поэтому результат исследования нельзя назвать объективным, но и он позволяет взглянуть на жизнь нашего поселка в период с 1892 по 1895 гг.

В Псебае численно преобладали крестьяне и бывшие солдаты, выходцы из этого же сословия. Доля же казачьего населения не превышает четверти. Впрочем, численное превосходство не играет роли, когда речь идет о том, в чьих руках власть. Атаман Беспрозванный (1893) и правление выбираются из числа именно казаков. Между двумя сословиями существует напряжение, на что косвенным образом указывает отсутствие браков между крестьянами и казаками. Зато юнкер Михаил Терлецкий и местный помещик выбирают себе в жены девушек из казачьих семей.

Еще очень сильны миграционные процессы, что говорит об иллюзии наличия свободных земель на Кавказе. Среди прибывших преобладают выходцы из Полтавской и Харьковской губернии, преимущественно крестьянского происхождения. Понятно, что они искали в этом диком краю, но находили ли? Встречаются и довольно экзотические переселенцы из великого княжества Финляндского, даже Османской империи. Подтверждаются сведения о колонии подданных Австро-Венгрии. Так у Иосифа Ганзеля и его жены Густавы в январе 1893 г. родилась дочь Елена, а у Иосифа Петрова и Юстинии дочь Мария. Получают документальную базу сведения о том, что великий князь Сергей Михайлович Романов нанимал управлять «кубанской охотой» выходцев именно из этой страны. К сожалению, данный тип источника

не фиксирует отток населения. Впрочем, не только иностранцы заглядывают в этот уголок. Мещане из Майкопа, Армавира и других городов Кубани часто навещают сюда, но вот зачем? Отдых или торговые дела, а быть может, получение наследства влекут их в Псебай – неизвестно. Известно лишь, что сюда они приезжали холостыми, а покидали урочище уже женатыми. Книжки называют лишь одного купца – Григория Владимировича Кокодтьева, он умер здесь. Однако чем занимался этот человек, остается лишь догадываться. Из источника известно, что в поселке действует почта, которой руководит канцелярский служащий и начальник отделения Павел Васильевич Куплевай, а в храмах служат о. Иоанн Благовидов и Михаил Сперанский. Они и вели данные книжки. Впрочем, как и любой источник, этот нуждается в сопоставлении с другими. К сожалению, на данный момент таких нет.

Кроме всего вышеперечисленного в работе использованы материалы периодической печати, материалы личных архивов, сведения и фото, в т. ч. и из интернета, и мн. др.

Библиографический указатель

1. Энциклопедический словарь по истории Кубани с древнейших времен до октября 1917 г. Краснодар, 1997. С. 84.
2. Бардадым В. Радетели земли кубанской. Краснодар, 1998. С. 147—151.
3. https://vk.com/wall283368295_589
4. Казачество. Энциклопедия. М., 2003. С. 378.
5. Там же. С. 250.
6. livelib.ru: <https://www.livelib.ru/author/1094445-aleksandr-dyachkovtarasov>
7. Кто есть кто сегодня на Кубани. Краснодар, 2002. С. 309—310.
8. Там же.

II. Основная часть

1. В далеком прошлом

Географические координаты Псебая – $44^{\circ} 06' 33''$ с. ш. $40^{\circ} 47' 24''$ в. д.

Природа Псебая хорошо описана путешественником Н. Я. Динником в книге «Верховья Малой Лабы и Мзымты»: «Псебайская станица, или, как обыкновенно называют ее, Псебай, расположена на левом берегу Малой Лабы при впадении в нее р. Псебая. Недалеко от станицы по обеим сторонам Малой Лабы возвышаются две горы – Герпегем и Мифагурт. Они принадлежат к хребту Черных гор... Черные горы состоят исключительно из известняков, образующих здесь толщи, как видно на некоторых обнажениях, в десятки сажен. Длинный барьер таких желтовато-белых известковых скал тянется вдоль левой стороны долины Малой Лабы на северо-запад от Псебая. В некоторых местах, например, в Воровской балке (верстах в 4 ниже Псебая), эти скалы образуют красивые выступы в виде столбов, колонн иobeliskов. Все они состоят из углекислой извести и содержат довольно много остатков морских слизняков. Во многих местах эти известняки переходят наверху в алебастр, который образует здесь богатые залежи, простирающиеся на несколько верст в меридиональном и широтном направлениях. Часто он выступает на поверхность земли не только на кручах и откосах, но и на местах более или менее ровных. Здесь существуют и алебастровые ломки, на которых добывается очень белый алебастр; его везут отсюда в Лабинскую станицу, главный торговый пункт этой части Кубанской области, и во многие другие места. В известковых толщах здешних гор находится много длинных глубоких пещер со сталактитами и сталагмитами внутри.

Чтобы постепенно приучить себя к хождению по горам, мы решили прежде всего отправиться на Герпегем, поднимающийся тысячи на две фунтов над Псебаем. Более или менее плоская вершина его покрыта лугами, на которых попадает много чисто альпийских трав. Здесь же растут рододендроны (*Azalea Pontica*) и отдельные небольшие кустики папоротника-орляка (*Pteris aquilina*), который верстах в пятидесяти к западу от Псебая в долине Курджипса и Пшехи образует сплошные высокие заросли... [1], в окрестностях же Псебая он встречается более или менее редко и нигде не образует сплошных зарослей. По склонам Герпегема, в особенности западным и северным, растут лиственные леса, состоящие главным образом из дуба и бука.

Псебай расположен на высоте 2145 фут. над уровнем моря, отличается здоровым климатом и мог бы служить прекрасным курортом. Правда, в мае и июне здесь, как и вообще в предгорьях Кубанской и Терской областей, идут очень частые дожди, но зато осень отличается чудной погодой, а зима очень тепла и совсем малоснежна. Обращенные к югу склоны Герпегема остаются без снега почти всю зиму. Двойных рам здесь почти не делают, а в декабре и январе можно иногда ходить в летнем пальто. Полнейшая тишина часто стоит на Псебае по целым неделям. К недостаткам псебайского климата надо отнести довольно частые градовые бури, от которых сильно страдают хлебные поля и травы. Псебай был когда-то штаб-квартирой Севастопольского полка и представлял тогда очень оживленное и веселое местечко. Теперь он сильно запустел, а большая часть построек, принадлежавших полку, превратилась в развалины. Единственным украшением Псебая служит в настоящее время новый красивый большой дом-контора Кубанской охоты великого князя Сергея Михайловича.

В зоологическом отношении Псебай интересен как пункт, с которого в долине Лабы начинается уже горная фауна Кавказа и в окрестностях которого она сталкивается с фауной равнин и степей. К чисто горным формам из водящихся здесь птиц принадлежат горная куропатка (*Perdix Chukar Gray*), живущая на склонах Герпегема вблизи Псебая, горная плиска

(*Calobates sulphurea* Bechst.), оляпка или водяной дрозд, а из млекопитающих – серны, которые, несмотря на упорное преследование псебайскими охотниками, убивающими каждую зиму несколько штук их, до сих пор продолжают держаться в небольшом количестве на склонах Герпегема недалеко от станицы.

Лет 25 назад в ближайших окрестностях Псебая водилось очень много диких кабанов, медведей и оленей – теперь же эти животные все более и более удаляются в горы, а если и продолжают встречаться в окружающих Псебай лесах [2], то в гораздо меньшем количестве, чем прежде. Олени и медведи попадаются изредка и ниже Псебая, в лесах около Каладжинской станицы, но сюда они заходят более или менее редко; если это случится зимой, когда земля бывает покрыта снегом, то редко кому из них удастся благополучно уйти в прежние более безопасные места. Леса между Псебаем и Каладжинской станицей надо поэтому считать северной границей области распространения по долине Лабы крупных зверей, каковы олени, медведи и кабаны. Козы около Псебая и теперь живут в изрядном количестве; это надо приписать главным образом тому, что они не любят высоких гор и очень больших лесов и не решаются променять на них места, окружающие Псебай и приходящиеся им более по вкусу. Барсуки в окрестностях Псебая встречаются очень часто и, несмотря на здешние теплые зимы, залегают в спячку. По берегам всех более или менее значительных речек, например, по Малой Лабе и Андрюку, около Псебая живут речные выдры (порешни); в подобных же местах попадаются и норки. Тех и других местные жители ловят капканами. Гораздо чаще здесь и лесная куница (белодушка – *M. foinea* Briss). Они, впрочем, отдают предпочтение большим горным лесам. Куниц добывается в окрестностях Псебая и соседних с ним горах довольно много, и цена на них колеблется от 5 до 7 рублей за штуку. Перевязка (*Putorius sarmaticus* Pall.) встречается здесь изредка, а обыкновенный хорек, кажется, отсутствует. Волк и лисица принадлежат к самым распространенным животным этих мест, шакал же попадает как большая редкость. Егерям Кубанской охоты лет за 10 удалось отловить всего двух шакалов и то не близко от Псебая, – одного на Кишн (приток Белой), а другого на отрогах Ятыргварты. Диких котов очень много как в лесах, так и вообще по каменистым местам. Многие из псебайских и андрюковских охотников, промысляющих преимущественно мелкого зверя, убивают в год более десятка диких котов. В лесах, окружающих Псебай, водится также много рысей, и зимой следы их приходится видеть очень часто. Так как они ведут исключительно ночной образ жизни, то редко попадают под выстрел охотника, чаще же платятся своей шкурой, поедая отраву, которую в район Кубанской Охоты кладут для истребления [3] хищных зверей. Обыкновенный еж попадает здесь очень часто, а заяц-русак принадлежит к самым обыкновенным животным окрестностей Псебая и вообще нижнего пояса гор. Встречается он, впрочем, и более или менее высоко. Даже зимой я видел зайцев на высоте около 5000 фут. на горах за Псебаем.

Н. Я. Динник

На полях около Псебая в летнее время живет много перепелок; здесь же летают стада горлиц, диких голубей (*Columba livia* Briss.) и витютней (*Palumbus torquatus* Aldr.), но обыкновенная куропатка попадает очень редко. Иволги и черные дрозды в большом количестве гнездятся во всех псебайских садах. Сороки, которые вообще избегают горной местности, летом в окрестностях Псебая не встречаются вовсе, а зимой очень редко. Благодаря теплым зимам в окрестностях Псебая зимует очень много птиц, улетающих перед наступлением зимы на юг из других более холодных местностей Кавказа. Деревенских ласточек здесь очень много, часто можно видеть обыкновенных стрижей (*Cypselus apus*). Зимой я видел здесь обыкновенных скворцов, черных дроздов, целые стада витютней, которые держатся по преимуществу на горах, в ельниках, множество разнообразных мелких птичек: зябликов, овсянок (*Emberiza* и *E. Citrinella*) и т.д.; на незамерзающих речках живет, кроме того, много уток и нырков. Из пресмыкающихся и амфибий в небольших болотах, заросших травой и камышом, встречаются болотная черепаха (*Cistudio europea* Gray) и гребенчатый тритон, а на полях зеленая ящерица (*Lacerta viridis* L.) и, кроме того, *Lacerta praticola* Ewersm. Из лягушек встречаются те же виды, как и в прочих местностях Северного Кавказа, и, кроме того, один очень крупный вид жаб, живущих в горах Северо-Западного Кавказа. На Герпегеме, над Псебаем мы поймали также гадюку (*Vipera Renardi* Christ.), которая своей яркой окраской напоминает гадюк, водящихся на высоких горах.

Я забыл сказать, что Псебай замечателен еще необыкновенно красивыми видами, которые открываются с него на горы. В ясное утро, когда воздух бывает особенно прозрачен, этими видами нельзя налюбоваться. С Псебая видны покрытые снегами отроги Главного Кавказского хребта, громадный горный массив Ятыргварты (9051 ф.), на вершине которого расстилаются

[4] горные луга, простирающиеся на многие версты и перемежающиеся с отвесными скалами, осыпями и пятнами снега, красивые скалы Чертовых ворот (Ачешбок), многие другие вершины и, наконец, красивые лесистые горы, которые начинаются верстах в 3—4 от Псебая и, по мере удаления от него, поднимаются все выше и выше» [5].

О самом Диннике Википедия сообщает следующее: Николай Яковлевич Динник родился 23 июня 1847 г. в городе Ставрополе в семье служащего палаты государственных имуществ. Окончил Ставропольскую мужскую гимназию. С 1865 г. обучался на естественном отделении физико-математического факультета Московского университета. Во время учебы особенно интересовался зоологией, его наставниками в этой сфере были Я. А. Борзенкови, С. А. Усов. Состоял в кружке революционера Ф. В. Волховского. В апреле 1869 г. в его квартире произвели обыск по Нечаевскому делу, а за несколько дней до окончания «кандидатских» экзаменов, в мае 1869 г., Динник был арестован как политически неблагонадежный, исключен из университета и по распоряжению министра внутренних дел отправлен на родину, в Ставрополь, под надзор полиции. Приехав в Ставрополь, Николай Яковлевич начал изучать природу Северного Кавказа.

В апреле 1873 г., по освобождении из-под надзора, получил разрешение поступить в Московский университет, где 27 октября 1873 г. он сдал экзамены за курс университета и получил степень кандидата естественных наук.

В 1874 г. возвращается в Ставрополь и устраивается на должность преподавателя естествоведения Ольгинской женской гимназии.

Все свободное время посвящал путешествию по горам Кавказа, во время которых занимался любимым занятием – охотой. Во время своих путешествий он так же занимался и научной деятельностью, в основном изучая ледники и позвоночных животных.

В 1877 г. в журнале «Природа» напечатана его первая статья: «Горы и ущелья северо-западного Кавказа». В последующем публиковался в таких изданиях, как «Материалы к познанию фауны и флоры России», «Природа и Охота», в «Естествознание и География». Одна из самых больших его работ «Современные и древние ледники Кавказа» вышла в 1890 году в «Записках Кавказского отдела Русского географического общества» и получила много положительных отзывов.

В начале XX в. в Ставрополе Г. К. Пправе приступил к созданию краеведческого музея. Николай Яковлевич передал много экспонатов в фонд музея, отображающих флору и фауну Ставрополя. Николай Яковлевич много лет состоял гласным городской Думы.

Н. Я. Диннику вторит Л. В. Македонов, который утверждал, что станица Псебайская – один из красивейших и приветливых уголков нагорной полосы. Ст. Псебайская находится на высоте 2145 фут. над уровнем моря, защищена от ветров высокими вершинами гор и справедливо славится своим местоположением. Особенно хорошо здесь в лунные и ясные ночи августа, когда затихает дневной людской гомон, погасают огни, тени гор надвигаются на станицу, серебристые гребни их ярче рисуются на темном небе, и вся станица засыпает под немолчный ропот Лабенка, катящего по камням свои светлые, чистые воды [6].

Укажем еще на то, что многие местности нагорной полосы, как например ст. Псебайская, отличаются превосходным здоровым климатом [7].

Узкую долину обступают горные вершины: Уруштен, Балкан, Турья гора, высокие урочища – Лысцевы, Краснолесье, Блокгауз и другие. Часть юрта по долине р. Малой Лабы удобна для посевов, которыми занимаются как коренные жители, так и иногородние; горная часть юрта на высотах около станицы камениста, с глубокими балками и обвалами; здесь попадаются грязевые провалы и озера неизмеримой глубины [8].

Г. И. Радде

Ст. Псебайская находится к юго-востоку от ст. Баговской на расстоянии 20 верст и справедливо славится своим чудным местоположением в красивой долине между гор, на высоте 2 000 футов с лишком над уровнем моря (ныне Псебай является центром Псебайского городского поселения, в который входят еще четыре населенных пункта: Перевалка, Никитино, Бурный, Кировский). Дорога сюда от Баговской идет почти непрерывным подъемом по косоугору (600 м над уровнем моря); с высот подъема видны вершины горных кряжей над верховьями рек Большой и Малой Лабы и летом покрытые снегом. Миновав перевал, дорога красивым небольшим склоном входит в долину реки Малая Лаба, на левом берегу которой при речке Псебайке расположена станица Псебайская, в котловине между хребтами Шахан (1204 м) и Герпегем (1207 м).

Псебай называли одним из красивейших и приветливых уголков нагорной полосы. Он славится своим местоположением, защищен от ветров высокими вершинами гор. Особенно хороши лунные и ясные ночи августа, когда затихает дневной людской гомон, гаснут огни, на станицу надвигаются тени гор, их яркие серебристые гребни четко выступают на фоне неба, и вся станица засыпает под немолчный рокот Лабенка, катящего свои воды по камням [9].

Историк Ф. А. Щербина пишет: «Лабенок почти так же стремителен, как и Кубань в верховьях. Ниже селения Бурного Лабенок прорезает красивейшее Шахгиреевское ущелье».

Вот как описывает течение Лабенка один из деятельнейших исследователей природы Северного Кавказа: «Лабенок течет очень быстро, особенно в тех местах, где течение его, имеющее в среднем аршин 50 в ширину, суживается до 12—15 аршин. В некоторых местах вода в нем на протяжении саженей ста бела, как серебро, и как будто бы кипит ключом, с огромной силой ударяясь о скалы и камни, речка здесь прыгает и мечется из стороны в сторону, как какое-нибудь чудовище. В других местах течение ее гораздо тише и спокойнее, и вода уже не блестит серебром, а имеет чудный зелено-голубой цвет и отличается прозрачностью» [10].

Кстати, в 1894 г. горное путешествие из Псебая в Сочи совершает доктор Радде. Маршрут его пролегал сначала по Малой Лабе, потом через Алоусский перешеек опускался в долину

Уруштена и через перевал Псеашхо выходил на Красную Поляну (Копытные Северо-Западного Кавказа: современное состояние и механизмы устойчивости популяций [11].

Густав Иванович Радде (1831—1903) российский естествоиспытатель и этнограф, член-корреспондент Петербургской АН (1884). Уроженец Германии, с 1852 г. в России. Участник многочисленных экспедиций по России (Кавказ, Сибирь и др.), а также по Ирану и Турции. Труды по зоогеографии, флористике и этнографии. Один из создателей в 1867 г. Кавказского естественноисторического музея в Тифлисе [12].

Люди на территории Псебайского поселкового округа появились очень давно, о чем свидетельствуют многочисленные находки предметов дописьменной культуры. Так, названия каменных оград (ацангуары) пошли от аборигенного народа Кавказа ацанов, а гора Ятыгварта украшена первобытными петроглифами.

Кстати, первым петроглифы обнаружил работник заповедника Н. Игнатьев. В 1965 г. их совместно изучали археологи П. У. Аутлев из Адыгейского НИИ и В. И. Марковин. Они открыли 60 камней со знаками и предположили, что те группировались вдоль древней тропы охотников и пастухов. Размер камней начинается от 1,5 м, и своей формой они отдаленно напоминают животных, чаще всего зубра, что говорит о его культе. Петроглифы испещрены лунками и штрихами. Есть и солярные знаки. Лунки символизируют плодородие, а вот перечеркнутые лунки встречаются только здесь, что уникально. Трактовка изображений разнообразна: от метеоров (падающие звезды) до созвездий, протописьма или неких указателей. Встречаются и более поздние адыгейские тамгообразные знаки, свидетельствующие о долгой работе над памятниками и не одного поколения людей.

Последовавшая через некоторое время смена климата не привела к остановке жизни. На смену крупным животным пришли мелкие. Предгорную зону заселили кочевники северокавказской культуры. Следы их пребывания видны и поныне. Так, для своих покойников они не копали ям, а из булыжников и валунов выкладывали небольшую насыпь, своеобразный каменный ящик. Туда опускали покойника с его личными вещами, различным инвентарем и погребальной пищей. Все это сверху укрывали циновкой и засыпали землей. Образовавшийся курган от подошвы до середины обкладывали валунами, чтобы насыпь не расползалась от дождей. Такой прием специалисты называют крепидой [13]. Городища, или каких-либо других следов своего пребывания, они не оставили. Кстати, уже в 1870 г. в Псебае начались раскопки курганов. В 1895 г. был раскопан курган и в нем найдены богатые золотые вещи. В 1902 г. археолог Н. И. Веселовский вел раскопки курганов в Псебае и Андрюках. Впоследствии он опубликовал работу «Курганы Кубанской области в период римского владычества» (1902, Труды 12-го археологического съезда в Харькове). Николай Иванович Веселовский (1848—1918), профессор Петербургского университета, старший член Российской императорской археологической комиссии. Прославился исследованиями по археологии степных древностей Северного Причерноморья и Предкавказья. В 1894—1917 гг. исследует кубанские курганы. В их числе знаменитые скифские у станиц Костромской, Келермесской, а. Уляп, погребения меотской знати у станицы Елизаветинской, сарматские курганы «Золотого кладбища» у станиц Ярославской, Воздвиженской, Некрасовской, Усть-Лабинской, Ладожской, Тифлисской, Казанской, а. Хатажукаевского, станицы Кубанской (современный г. Новокубанск). Результаты этих работ до сих пор играют огромную роль при решении различных проблем истории древних племен Прикубанья. Первые же обобщения были сделаны самим Веселовским в «Отчетах императорской Археологической комиссии» и трудах археологических съездов. Большую роль в изучении бронзового века сыграл составленный Веселовским отчет о раскопках в 1897 г. Большого майкопского кургана, произведенных от его имени, но без его участия. Важны также разработки Веселовского о методике раскопок древних памятников и историография. Труды, его непосредственная работа по охране древних памятников (именно он спас от окончатель-

ного разграбления Д. Г. Шульцем Келермесские курганы). Свой последний полевой сезон в 1917 г. Веселовский провел на Кубани, раскапывая елизаветинские курганы.

В том же году произошла тайная раскопка кургана, в котором был найден ценный клад. В нем обнаружили труп древнего воина и его вооружение, отправлено в Австрию. Еще в начале XX в. путешественник писал: «Два гигантских кургана между Переправной и Зассовской ждут археолога, чтобы обнаружить свои сокровища, вероятно греко-скифского периода, если судить по раскопкам в ст. Каладжинской и в Псебае» [14].

Во II—III вв. до н.э. сюда проникают аланы, которые подчинили себе ряд адыгейских племен. Они испытывали сильное влияние Византии, от которой переняли христианство и искусство возведения систем оборонительных городищ [15]. В XIII в. Аланское царство подверглось нападкам сначала монголо-татар, а затем и полчищ Тимура. Один из его отрядов зашел глубоко в тыл горцам и появился в Абхазии. Государство алан распалось, часть их ушла глубоко в горы Кавказа, часть – в Византию. Их места обитания заняли адыги и абхазы. Об их расселении свидетельствуют названия: Псебай, Псекупс, Псебес, Псеашхо и т. д. Лингвисты предполагают в названии «псессы» адыго-абхазское происхождение [16].

После такого потрясения регион попал сначала под влияние итальянцев, чьи колонии появились на побережье (о широких торговых связях с ними свидетельствуют находки крестообразных кинжалов в могильниках), а затем Крыма. Николай Львович Камнев, один из первых кубанских краеведов, в статье о церкви Св. Георгия на реке Белой писал: «Генуэзский торговый путь проходил через земли адыгов от Мапы (Анапы) к ст. Хабльской, Саратовской, Занской, Царской, далее через р. Лабу (ст. Баговская, Псебай, Курджиново) на р. Кяфар, Зеленчук, в ее верховья на перевалы Клухори и Маоруха в Абхазию и на восток к Каспийскому морю. С помощью памятников археологии VII—X вв., открытых и расположенных на указанном Н. Камневым маршруте, удастся реконструировать подобный торговый путь в раннем средневековье. В первую очередь, могильник „Мощевая балка“ близ с. Курджиново на Большой Лабе; поселение „Церкви в Псебае“; пещера Курако между Псебаем Баговской...» [17]

Вполне возможно, что именно выходцы из последнего дали название проживавшему здесь адыгейскому племени шахгиреев. Косвенным подтверждением этого может служить широкое распространение такого растения, как расторопша обыкновенная, родиной которой является именно Крым [18]. Шахгиреи жили сельским хозяйством, ведущей отраслью которого было скотоводство. Правда, имели и небольшие огороды и сады, причем поля под посевы периодически меняли по мере истощения почвы. На них выращивали кукурузу, просо, пшеницу, тыкву, лук, чеснок. Их одичавшие формы позднее видел великий князь Сергей Михайлович в горах [19]. С большой любовью разводили сады, причем всюду. Когда наступало время прививки деревьев, каждый черкес, где бы он ни находился, имел при себе черенки культурных сортов плодовых пород, нож и обвязочные материалы. В итоге горы превратились в лесосады. В них росли персики, абрикосы, груши и яблоки. Экземпляр одичавшей сливы егеря обнаружили в охраняемой зоне. В лесу собирали дикие плоды, а зимой фрукты и каштаны варили с молоком и маслом. В горах собирали мед диких пчел, который был твердый и белый, как песочный сахар. Его горцы меняли на ткань. В горах пасли скот, хотя мясу предпочитали молоко. Разводили овец, коз, крупный рогатый скот. Тем самым обеспечивали себя мясом, жиром, молоком, кожей, шерстью. Последняя использовалась для изготовления бурок, башлыков, чекменей, сукна и войлока. Коневодству уделялось особое внимание, поскольку лошадь чаще использовали при набегах. Мужчины были отличными наездниками. Жили в мазанках (деревянный каркас обмазывали глиной), имевших четырехскатную крышу из драни [20].

В 1835 г. Шахгиреевское ущелье с разведывательными целями посетил барон Торнау. Федор Федорович Торнау (1810—1890), русский офицер, барон. Из семьи потомственных военных: отец, полковник Торнов, – участник Отечественной войны 1812 г., дед – генерал екатерининских времен. Фамилия Торнау получилась в результате искажения Торнов [21].

Кстати, в «Адыгейском топонимическом словаре» К. Х. Меретукова (М., 1990) говорится, что более древнее адыгейское название поселка Псебай – Къужыб. Топоним Къужыб состоит из двух слов: къужы – «груша» (дерево, плод), бэ – «много», «множество»: «Там, где растет много грушевых деревьев». И действительно, в Псебае много старых грушевых деревьев, очень высоких, широких в охвате, с маленькими плодами. Это остатки древних черкесских садов. Есть версия, что поселок основан на месте адыгского селения Къужы́б (древнее название), или Псыбай, которое было разгромлено в 1856 г. в ходе Кавказской войны. Историк Ф. А. Щербина пишет: «В 1856 г. войска в пределах Новой линии ограничивались исправной строевой службой на линии, проведением дорог, устройством укреплений Шедокского и заложением укрепления Псебайского». По данным А. В. Твердого, это произошло в 1862 г.

История нашего поселка тесно связана с именем Ф. Ф. Торнау. Дивизионный квартирмейстер Кавказской гренадерской бригады, он выполнял подчас невероятные поручения. Первоначально Федор Федорович обследовал берег Черного моря у Гагр, а затем отправился исследовать путь из Абхазии через Кавказские горы в Кисловодск. Этот маршрут нельзя было пройти без помощи местных жителей. И таковые были найдены в лице братьев Карамурзиных, с которыми Торнау познакомил генерал Засс [22].

Этот знатный татарский род возводил свое происхождение к внучке Чингисхана. Братья владели аулом на берегу Кубани, к которому прибило плавучую мельницу. Ее хозяин оказался настолько неблагодарен, что обвинил их в воровстве. Несправедливое решение суда вынудило братьев бежать к шахгиреям, где их хорошо приняли. Своими набегами они наводили ужас на соседние черкесские племена и русское военное командование. Осенью 1834 г. старший из братьев был убит в деле под Шахгиреем. Он с пашкой бросился на русскую пехоту. Это озлобило остальных братьев. Во время другого набега погиб и другой брат. Умирая, он призвал остальных братьев признать власть русских. Но примирение не могло состояться, т.к. их

крестьян выселили в Саратовскую губернию. Существовало правило, что высланных отсюда в Россию назад не возвращали. Карамурзины же в обмен на покорность требовали своих людей обратно. Эту задачу и взялся решать Торнау в обмен на содействие братьев.

Вот что пишет Торнау о внешности братьев: «Старший Карамурзин, Тембулат, имел весьма благообразный вид: его правильное, бледное лицо, окаймленное черной бородой, и в особенности замечательно правильный взгляд располагали невольным образом в его пользу. С первого взгляда виден был человек, заслуживающий полной веры. Бий Карамурзин составлял совершенную противоположность своего брата. Невысокого роста, широкоплечий, с большими светло-голубыми глазами, бросавшими безжизненные взгляды, и с рыжею бородой, доходившей до пояса, он возбуждал своею наружностью какое-то неопределенное чувство опасения, объяснявшееся для тех, кто его знал, его бешеным нравом и кровожадными поступками, заставлявшими даже горцев бояться его». Было известно, что Бий убил семерых человек, а потом в приступе раскаяния роздал беднякам все имущество, и братья содержали его. От расправы Бия спасал род – с Карамурзины было сложно соперничать. Неизменным спутником братьев был имам Хази, чье «полное, красное безбородое лицо чисто монгольского типа выражало глубокую хитрость с примесью сильных чувственных наклонностей». Хитрый барон потребовал горцев поклясться своими покойными братьями: «Не могу забыть сцену, которую я вызвал, коснувшись самой чувствительной струны их вековых понятий... Оба Карамурзина побледнели как полотно. Слеза показалась из-за опущенных ресниц Тембулата. Черкесы знали, что Карамурзины – непримиримые враги русских».

О абазинах пишут разное, но одно несомненно: они дали название ущелью, где находится наш поселок Шахгиреевское. Впрочем, не все так просто. В «Военно-статистическом обозрении Российской империи» утверждается, что они принадлежат к черкесскому племени и являются выходцами из Абхазии, состоящем из шести родов, потому-то этот народ известен под названием Адтыкисек (шестиродных) [23]. Среди прочих обозрение называет тамовцев, шахгиреевцев и кизылбековцев. Они жили в верховьях Большой и Малой Лабы. «В роде кизылбековом и шахгиреевском приблизительно считается до 3000 душ в каждом обоего пола...» [24]

Несколько другую картину рисует Иоганн Бларамберг, писавший: «Медазинги, называемые русскими „медовеевцы“, занимают юго-западный склон Кавказа у истоков рек Лаба и Амтурк. Семь племен, о которых идет речь, говорят на наречии „азогат“, именно поэтому их соседи, кабардинцы и бесленеевцы, называют всех их вместе – абазам. Между верховьями Кубани и Кумы живет народ, называемый черкесами „паш-кох“, а русскими – абазинцы» [25]. Торнау дает четкий ответ на вопрос, кто такие абазинцы: «Между тем, Башилбай, Шахгирей, Там и некоторые другие аулы на северной покатости гор состояли из населения чисто абазинского происхождения, с которым абхазцы поддерживали самые дружеские отношения, находя в этих аулах пристанище, когда им случалось переходить через снеговой хребет с целью грабить черкесов, с которыми они давно уже не жили в ладу» [26].

Данный регион заселила группа абазин из группы племен шакруа, в которую входили и башилбай или псылбай.

Торнау дает описание аулов, некогда существовавших на месте Псебая: «В этот день мы приехали, наконец, в Шахгирей, где находился Тембулат Карамурзин. Несколько сот бедных мазанок, составлявших аул, были разбросаны на довольно большом протяжении вдоль высокого и крутого берега Малой Лабы, прислоняясь тылом к дремучему лесу, доставлявшему жителям верное убежище в случае нападения русских войск, но дававшему в то же время горным разбойникам возможность подкрадываться скрытым образом. Деревянный дом Карамурзина, вмещавший ряд комнат, из коих двери открывались на длинную крытую галерею, возвышался подобно великану над окружавшими его низенькими хатами, в которых господствовали нищета и вечное беспокойство. Каменистые шахгиреевские поля давали самую бедную жатву, скотом шахгиреевцы не могли обзавестись, потому что на плоскости его отбивали

русские или захватывали, в счет подати, бесленеевские князя Шолох, а в горах угоняли убыхи и медовеевцы. Жизнь в Шахгирее была самая жалкая, пока не поселились там Карамурзины и не взяли аула под свое покровительство. Тогда только бедные жители успели свободно вздохнуть и из благодарности к своим защитникам совершенно подчинились их воле. Карамурзины сделались настоящими владельцами Шахгирея». Но и после жизнь здесь была очень тяжела: «Жизнь в Шахгирее была так мало безопасна, что вечером никто не решался выйти за двери без пистолета в руках, а из дому в дом переходили, имея ружья наготове». Торнау указывает, что по Андруку жили кызылбеки (между Большой и Малой Лабы). Их было 500 душ и правил ими род Маршаний. В начале течения Малой Лабы обитали интересующие нас шахгиреи. Их было 600 душ и правил ими узденъ Шиокум. На Ходзи и у горы Ашишбог (имя дворянской фамилии) обитали багги в 600 душ. В Шахгирее Торнау провел четыре дня, и судя по собранным им сведениям не без пользы.

Приготовление к экспедиции объяснялось желанием нападения на кордонную линию. В аул прибыли старейшина медовеевцев 90 лет Мафардук Маршаний и его 70-летний сын Сефер-бей, которые еще крепко сидели в седле и могли постоять за себя в схватке. В их владениях провел свое детство Тембулат Карамурзин. Они поклялись хранить тайну: «Их уверенность в неприступности гор, отделявших линию от берега, была так велика, что они считали даже очень выгодным познакомить меня с оборонительной силой местности, полагая этим способом отнять у русских навсегда охоту идти к ним в горы. Кажется, сам Карамурзин имел такое же убеждение. Он выразил его довольно ясно, когда во время нашего путешествия, недалеко от Ачипсоу, я стал вырезывать свое имя на большом дереве. Века пройдут, заметил Карамурзин, прежде чем русские успеют прочесть его на этом месте».

Путь экспедиции пролегал мимо могильного кургана со специальными значками. Карамурзины спешили и стали молиться. То были могилы их братьев, и Торнау догадался об этом. Весь вечер после этого они не разговаривали. Обстоятельства вынудили их отказаться идти к устью Шахе или Джубги, но идти через Ачипсоу. Лес кишел разбойниками со всего Кавказа, и спать приходилось с пистолетами в руках. Из-за постоянных дождей приходилось спать, тесно прижавшись друг к другу, но это не помогло. Однажды, почувствовав первые симптомы простуды, Федор Федорович разделся и прыгнул в ледяные воды Лабы. Торнау выдавали за чеченца, но несколько раз он был на грани провала. Он сильно поранил ногу о камень, и Тембулат одной рукой перебросил его через плечо и бегом поднялся на вершину горы, ведя еще за собой двух лошадей [27].

В завершении всего в Торнау из пушки выстрелили свои, приняв его за черкеса. Русские не могли поверить, что они пришли со стороны гор. Он же писал, что черноморские укрепления никуда не годны. Уже после завершения войны за покорение Кавказа барон написал «Воспоминания кавказского офицера» («Русский вестник» за 1864 г.) За время своей экспедиции он отправил в штаб Отдельного Кавказского корпуса большое количество рапортов, писем, записок, содержащих разнообразные сведения, касающиеся топографии, экономической географии, военной и политической ситуации в районе Западного Кавказа. С сентября 1836 по 1838 гг. он находился в плену у абадзехов. «За исследование совершенно неизвестных до сих пор частей Кавказа» Торнау был награжден орденом Святого Владимира 4-й степени, ему было присвоено звание капитана. Он дослужился до звания генерал-лейтенанта, был кавалером многих российских и иностранных орденов. Умер в Эдлице (Австрия).

Библиографический указатель

1. Н. Я. Динник. Верховья Малой Лабы и Мзымты. Тифлис, 1902, С. 2
2. Там же, С. 3
3. Там же, С. 4

4. Там же, С. 5
5. Там же, С. 6
6. Македонов Л. В. В горах Кубанского края. Воронеж, 1908, С. 28
7. Там же, С. 47
8. Там же, С. 869. Щербина Ф.А История Кубанского казачьего войска. Краснодар, 1992.
- Т. 1. С. 87
10. Там же.
11. С. А. Трепет. Краснодар: Кубанское книжное издательство (издатель И. А. Богров), 2014, С. 13)
12. Большой энциклопедический словарь, 2012, С. 33
13. Дела давно минувших дней, «Предгорье», №106, 1990г.
14. История античности. М.,1989. Т. 1. С. 115.
15. История казачества России. Ростов-на-Дону, 2001. С. 14
16. Прошлое и настоящее Кубани в курсе отечественной истории. Краснодар, 1994. С. 18—19.
17. Наследие веков, 2016, №5, С. 32.
18. История казачества России... С. 25.
19. История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. М., 1988. С. 217.
20. История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. М., 1988. С. 217.
21. Энциклопедия растений. М., 1991. С. 382.
22. Хутыз К. Охота у адыгов. Майкоп, 2001. С. 181.
23. Скиба К. В. Маршрут русского разведчика барона Ф. Ф. Торнау на Северно-Западном Кавказе // Историческое регионоведение Северного Кавказа вузу и школе. Девятая всероссийская конференция. Армавир, 2005. С. 51.
24. Артемьева Р. Н. Мой Псебай – иду к истокам. Армавир, 2019, С. 14
25. Там же, С. 15
26. Военно-статистическое обозрение Российской империи, т. XVI, часть 1 // Исторический обзор Терека, Ставрополя и Кубани. М., 2006. С. 99.
27. Бларамберг И. Историческое, топографическое, статистическое, этнографическое и военное описание Кавказа. М., 2005. С. 128

2. Основание Псебая

Как это ни странно, но жители поселка сохранили генетическую память о переселении черноморских казаков на Кубань, и отразилось это в надгробных крестах в лучах солнца, которых очень много на нашем кладбище, что было отмечено НИЦ ТК Кубани. А ведь освоение наших краев началось много позже. Отразилось это и в песенной культуре. Так местная жительница Екатерина Ивановна Цветикова пела:

Ой, ты, Катя, Катерина,
Что ж ты наробыла!
Кавказ туркам подарила,
А про нас забыла!
Что ты гордо поступаешь,
Генерал ты Кочетков.
Того гордо поступаешь,
Кавказ туркам отдала.
Своих согнала в Россию,
Про нас забыла!
Турок злой, жестоко бьется,
Боюсь, уничтожит вас.
А я турка не боюсь,
Кавказ же свой возьму!
Если ж ты Кавказ возьмешь,
Всех крестами награжу!
И медали непростые,
Золотые вам кресты.
Мы Кавказ же свой узяли.
Земля кровью облилась.
Генерал же Кочетков,
В бою он погиб.
Перед смертью своей
Он поздравил казаков:
Вы казаченьки-герои,
Мои верные бойцы!
Хоть я смерть получаю,
Но Кавказ я свой узял.

Проблема подчинения долины реки Малой Лабы впервые встала в 1850 г. Выписка из журнала полковника Волкова о военных происшествиях на правом фланге Кавказской линии с 23 января по 26 февраля 1850 г.:

...В скалистых горах, примыкающих к правой стороне Малой Лабы, на дне глубоких оврагов, поросших густым лесом, таятся аулы кизылбековцев, – притом всех беглецов и абреков.

Из неприступных гнезд этих они сторожат дороги и движения колонн на Верхней Лабе. Надежные оплоты их: ущелья Малой Лабы, затруднительная переправа через четыре ее притока, окаймленные на полторы версты в ширину густым лесом, и обрывистые крутые перевалы через гору по ту сторону Малой Лабы. Самая дорога к этим аулам по левой стороне Малой Лабы, идя ущельем от самого впадения Шедока до переправы через Малую Лабу на несколько

верст, при широте до 200 сажень, с одной стороны примыкает к высоким и обрывистым отрогам гор, а с другой – к лесу, сопровождающему все течение Малой Лабы. Перевалы через горы и ущелья близ курганов, находящихся у переправы Малой Лабы, соединяют бек-мурзаевцев, кизылбековцев, баговцев и шахгиреевцев.

Соединенные эти племена могли бы занять переправу и лес на Малой Лабе, равно горы и ущелья до самого впадения Шедока, почти неприступные с фронта, и, пользуясь этими выгодами местности, столь важными в руках горцев, заставить купить дорогою ценою проход в ущелья Малой Лабы.

Для наказания этих племен, беспокоивших постоянно верхний участок Лабинской линии, нужно было быстро и неожиданно захватить их в самых неприступных убежищах и в то время, когда они всего менее этого ожидают.

Сознавая вполне необходимость наказания кизылбековцев с присоединившимся к ним аулом Шелохой, бежавшим в 1849 году с р. Тегени, по наущению шейха Эммин-эфенди, а также отложившегося от покорности бесленеевского князя Каспот Конокова за измену и злодеяния, я, возвратясь 27 января из первого набега в ст. Владимирскую и дав суточный отдых отряду, согласно прежде предположенного мною плана экспедиции, предпринял вторичное движение, тогда как еще зарево пожара от горящих аулов Бек-Мурзы и Изиги не погасло.

Хотя после набега, по примеру прошлых лет, я знал, что горцы считают отряд распущенным; но чтобы еще более вовлечь их в это заблуждение, я отпустил из ст. Владимирской 5-ю и 7-ю роты Ставропольского егерского полка на зимовье квартиры в станицы Лабинскую и Константиновскую и отправил усталых казаков.

Движение этих рот, роспуск усталых казаков и в особенности неожиданное вторичное удара убедили горцев, следивших с высот противоположного берега, в совершенном роспуске войск. Ночью с 27-го на 28-е число я притянул из ст. Лабинской 3-ю сотню Лабинского казачьего №2-го полка, которая и вошла в отряд с 2-ю линейною ротой Кавказского линейного №3-го батальона.

9-я егерская рота оставлена была для занятия караулов в укр. Зассовском и ст. Владимирской. Затем командование всею пехотой я возложил на заведывающего верхним участком кордона Лабинской линии, командира линейного №3-го батальона подполк. Павлова.

В ночь с 28-го на 29-е число отряд вышел из ст. Владимирской и перешел Лабу в 5-ти верстах выше укр. Зассовского, быстро двинулся по левому берегу этой реки, вверх к Малой Лабе.

В 4 часа по полуночи, после 35-ти верстного перехода, я сосредоточил отряд на левом берегу Малой Лабы, близ переправы, и занял важную по своему положению позицию и курганы; этим преграждалось соединение кизылбековцев с баговцами и беглыми бек-мурзаевцами.

Отсюда подполк. Мещеринов, с 5-ю сотнями вверенной ему бригады, направлен мною вправо, для взятия кошей и скота, принадлежавших Каспот Конокову.

Коши эти находились верстах в 12-ти от занятой нами позиции и расположены были за утесистыми перевалами, в глубоких балках. В то же время поручено было мною полк. Ягодину, переправившись через р. Малую Лабу с 8-ю сотнями казаков (двумя Донскими, 2-мя Лабинскими и 4-мя Кубанскими), взять аул Кизылбековский и близ лежащие хутора.

Защита переправы на Малой Лабе и занятие леса стрелками поручены подполк. Павлову, с 3-ю карабинерною, 8-ю егерскою и 2-ю линейною ротами, 2-мя сотнями казаков, 4-мя орудиями и ракетною командой. На прежде занятой позиции у курганов остались: 4-я карабинерная, 11-я и 12-я егерские роты, одна сотня 3-й бригады и два пеших орудия, поставленные на возвышенностях, выгодно командующих окрестностями.

Быстро перенесся со своими казаками подполк. Мещеринов через крутизны и скоро атаковал коши Каспот Конокова. Несмотря на упорное сопротивление защитников кошей, непри-

ступность места расположения их в глубоких балках и оврагах, взято 500 штук рогатого скота, несколько лошадей, более 1500 баранов и 3 чел. пленных; остальное все: хлеб, сено и самые коши преданы огню, а через 3 часа казаки с добычей были уже на сборном пункте.

Полк. Ягодин, имея в виду дальнейшее расстояние аула от позиции (около 14-ти верст), со всею стремительностью поскакал с вверенными ему сотнями к переправе на Малой Лабе; но здесь их встретили в лесу завалы, устроенные неприятелем.

Не удержали, однако же, храбрых ни завалы, ни переправа, ни трудная в один конь дорога, пересекаемая оврагами, балками, утесистыми подъемами и узкою переправой через р. Андрюк. На половине дороги казаки были замечены караульными и встречены выстрелами и гиком на тревогу.

Дорожа временем, полк. Ягодин отделил 3 сотни казаков, под командою состоящего по кавалерии майора Матуса, для поспешного занятия хуторов, а сам с остальными устремился на аул. Несмотря на сильный огонь неприятеля и местоположение аула, как бы в котловине, на облегающий аул со всех сторон густой лес и естественную ограду из скал и утесов, аул взят с боя. Пользуясь временем драки и предупрежденное выстрелами караульных, население аула успело укрыться в лес, оставив в добычу все свое достояние.

Клубы дыма взвились над саклями кизылбековскими и обозначили уничтожение гнезда хищников. В то же время и той же участи подверглись и хутора кизылбековские, с огромными запасами хлеба и сена. [1] Ожесточенные конечным разорением, кизылбековцы не раз на возвратном пути бросались в рукопашный бой с казаками до самой переправы и падали жертвой своего самоотвержения, а тут орудия и меткие выстрелы пехоты заставили их решительно отказаться от отчаянного преследования. В 11 часов дня казаки с богатой добычей нескольких сот штук скота и домашней утвари присоединились к общему отряду, а с ними и прикрывавшая их пехота и артиллерия.

В 12 часов дня весело тронулся отряд в обратный путь. Приведенные в совершенное недоумение горцы, группами разнесенные по горам, издали только провожали смельчаков, впервые нарушивших дикие и недоступные их жилища, а в полночь отряд был в ст. Владимирской.

В продолжении этого дня с нашей стороны: убиты Кубанского казачьего №20-го полка хорунжий Ступников и казаков 2; ранено – казаков 11; контужено – 4 казака; лошадей: убито 20, ранено 27.

Неприятель, по наскоро собранным и верным сведениям, понес в обоих делах значительную потерю убитыми и ранеными. В числе тяжело раненых находится предводитель и вожатый партии, а также вредный по своему влиянию Хаджи-Каномать Талаходухов и убит известный по хищничеству абрек Омар Маргушев; при том уже доставлено сведение поименно о 40 старшинах и узденях, которые находятся в числе убитых и раненых.

Следствием успешного разорения аулов: Бек-Мурзы, Изиги, Кизылбековского, коршей Каспот Конокова, хуторов, чувствительнейшей потери в убитых, раненых и взятых в плен и, наконец, следствием лишения всего имущества были – не только явный упадок духа горцев, возмущенных против нас Шейх-Эмин-эфенди, но и полное убеждение их, что вероломство не всегда остается безнаказанным. Не далее как на другой день (30-го января) явились уже ко мне в укр. Зассовское покорные старшины Бесленевские, с изъявлением удовольствия за наказание их соплеменников, постыдно отклонившихся от них по увлечению лживого учения возмутителя Эммина-эфенди. Урок этот, я полагаю, необходимо подействует выгодно на прочих горцев и докажет им, что не сила и не неприступность мест – их защита, но единственно великодушие и милость Русского правительства. [2]

То же, ген.-л. Козловского кн. Воронцову от 12-го декабря 1853 года №2543 Покойный ген. Завадовский в предположении о военных действиях и занятиях на Кавказской Линии, представленном в. св., от 26-го июля, №1384, имел, между прочим, намерение действовать

на правом фланге во время текущей зимы между Лабою и Белою. Объяснившись лично с начальником правого фланга и нашедши, что настоящее время есть самое удобное для предположенных военных действий, потому что с февраля месяца, с наступлением теплого времени, надобно будет преимущественно заботиться об прикрытии края, я предписал ген.-м. Евдокимову, от 9-го числа, собрать около 15-го числа этого месяца отряд из войск, состоящих в его распоряжении, до 6-ти батальонов и 20-ти сотен, с нужным числом артиллерии, а также некоторой части милиции, и открыть военные действия со следующей целью: 1) Осмотреть течение Малой Лабы от устья оной до Шагиреевского ущелья и выше, сколько возможно, с тем, чтобы составить подробное предположение об устройстве линии по этой реке и тем окончить кордонную линию по р. Лабе и собрать сведения о возможности сообщения с береговой линией по этому ущелью. 2) Открыть сообщение этой предполагаемой линии с некоторыми внутренними пунктами края устройством просек через р. Андюк и Большую Лабу, по направлению к укр. Надежинскому. Исполнение этого предприятия будет иметь важное влияние на край в том еще смысле, что значительные неприятельские партии, при намерении действовать на Карачай или на Бесленеевцев, всегда избирают закрытые дороги по подножию Черных гор, и потому устройство пути, удобного для движения войск наших, позволит нам действовать на неприятельные толпы во фланг и в тыл и тем обеспечить наши покорные туземные населения и Верхнюю Кубань, а также с большим удобством приступить к устройству поселений наших на Урупе и Тегени, и 3) Истребить и отбросить непокорное население, гнездящееся на Большой и Малой Лабе и на притоках этих рек, и тем лишить неприятеля средств сосредотачивать партии и толпы на этом пространстве для хищничеств и движений на Верхнюю Кубань. Для рубки леса ген.-м. Евдокимов имеет в распоряжении своем 1200 топоров, введенных при Ставропольском и Кубанском полках. Место сбора отряда, а также продолжительность действия оного, я предоставил ген.-м. Евдокимову, тем более, что последнее зависеть будет от различных обстоятельств, которых теперь предвидеть невозможно; но вместе с тем я объявил начальнику правого фланга, что желательно, дабы отряд был в действии, по крайней мере, около 3-х недель, дабы он мог удовлетворительно исполнить вышеизложенные предприятия. Находя вместе с этим, что ген.-м. Евдокимов для успешного исполнения этого предприятия должен будет стянуть войска от нижнего течения Лабы и Кубани и что пространства эти должны быть прикрыты от могущих быть покушений неприятеля во время сосредоточения войска правого фланга на верхнем течении Лабы, я предписал командующему Черноморскою кордонною линию, дабы он от Черноморского казачьего войска, на время сбора отряда на правом фланге, соответственно с потребностью, занял пространство по Кубани от границы Черномория через ст. Воронежскую до Усть-Лабы [3].

Зимой 1853 г. отряд из 6 батальонов пехоты, 21 сотни кавалеристов, 360 милиционеров при 18 орудиях и 21 ракетном станке под командованием генерала В. М. Козловского сделали просеку по долине Малой Лабы до Андрука, на Андруке избран пункт для постройки поста [4]. Так было положено начало освоения данного уголка Мостовского района.

26 мая 1856 г. отряд генерала Козловского (12 сотен казаков, 4 конными орудиями и 8 станками) дошел до реки Псебая и подвергся стремительному нападению конных шахгиреевцев и бесленеевцев. «Дело было жаркое, четырехчасовое. Неприятель был отброшен с большим уроном, а отряд, достигнув цели, возвратился к вечеру в лагерь на Шедке, потеряв убитыми двух человек и ранеными 12 человек нижних чинов» [5].

Целью похода было определение места второго укрепления. Выбор пал на возвышенности по левую сторону р. Псебая, около 8 верст от Шагиреевского ущелья. Оно удовлетворяло всем условиям, необходимым для укрепления [6]. Уроженец Псебая (1957 г.р.), полковник медицинской службы Сергей Викторович Чокмосов, бывший главный психиатр СКВО, проживающий в Ростове-на-Дону, нашел в РГБ рукописную литографированную книгу рубежа XIX—XX веков, где на стр. 58 четко написано, что место под Псебайское укрепление освя-

щено 5 (17) августа 1856 г. «А работы, сопричастные с возведением укрепления на Псебае, тем временем подвигались успешно. 5 августа совершено молебствие и освещено место, занятое укреплением». Командующий войсками оставил на р. Псебае для продолжения работ пять батальонов, 6 орудий и 4 сотни казаков под командою генерального штаба подполковника Рыльцева [7]. А 24 января следующего года 5 батальонов поступили на усиление псебайского гарнизона, в т.ч. 1 батальон Ставропольского полка [8].

Военно-историческая карта Северо-Западного Кавказа с 1774 г. до окончания Кавказской войны, составлена

Е. Д. Фелицыным

С 1852 по 1860 гг. правительство распорядилось основать на Новой линии еще 15 станиц. Они заселялись казаками и унтер-офицерами регулярных войск, дислоцированных на Кавказе, государственными крестьянами Харьковской, Воронежской и других губерний [9]. Долгое время существовало убеждение, что Псебай возник в 1862 г. Однако документы говорят о другом. В 1856 г. завершается неудачная для России Крымская война. Высвободившиеся войска было решено направить к истокам Лабы, которые были удобным местом для набегов горцев на остальное Закубанье. В 1856 г. проводится рекогносцировка Шахгиреевского ущелья. Разведка с целью получения сведений о расположении противника, его огневых средствах, особенностях местности, где предполагаются боевые действия и т.п., проводимая командирами или офицерами штаба перед началом боевых действий [10]. Архивные документы свидетельствуют: «Приказами по отдельному Кавказскому корпусу 446 и 482 докладывается, что Псебайское укрепление с форштадтами было устроено в 1856 г.; т.к. в двух приказах объявляется о заготовке фуража для войск Кавказской армии, причем Севастопольский полк указывается помещенным в укреплениях Псебайском, Шедокском и на постах Малолабинской линии» [11]. Те же документы явствуют, что Севастопольский полк был создан в 1856 г. из пяти казачьих

линейных батальонов Черноморского казачьего войска. О том же говорит историк Ф. А. Щербина: «В 1856 г. войска в пределах Новой линии ограничили исправною сторожевою службою на линии, проведением дорог, устройством укрепления Шедокского и заложением укрепления Псебайского» [12]. Наконец, есть и другие документы.

Отношение военного министра, генерал-адъютанта Сухозанета к генерал-адъютанту князю Барятинскому от 1-го марта 1857 г., №2412.

По всеподданнейшему докладу содержания отзыва в.с., от 9-го февраля, №224, Государь Императоръ Высочайше повелеть соизволил: два укрѣпленія Мало-Лабинской линіи, возведенныя на рѣчкахъ Шедокъ и Псебаъ, наименовать, согласно предположенію ген.-л. Козловскаго, укрѣпленіями Шедокскимъ и Псебайскимъ. [13]

Отношение ген.-адъют. кн. Барятинскаго к военному министру, ген.-адъют. Сухозанету, от 9-го декабря 1856 года, №2507.

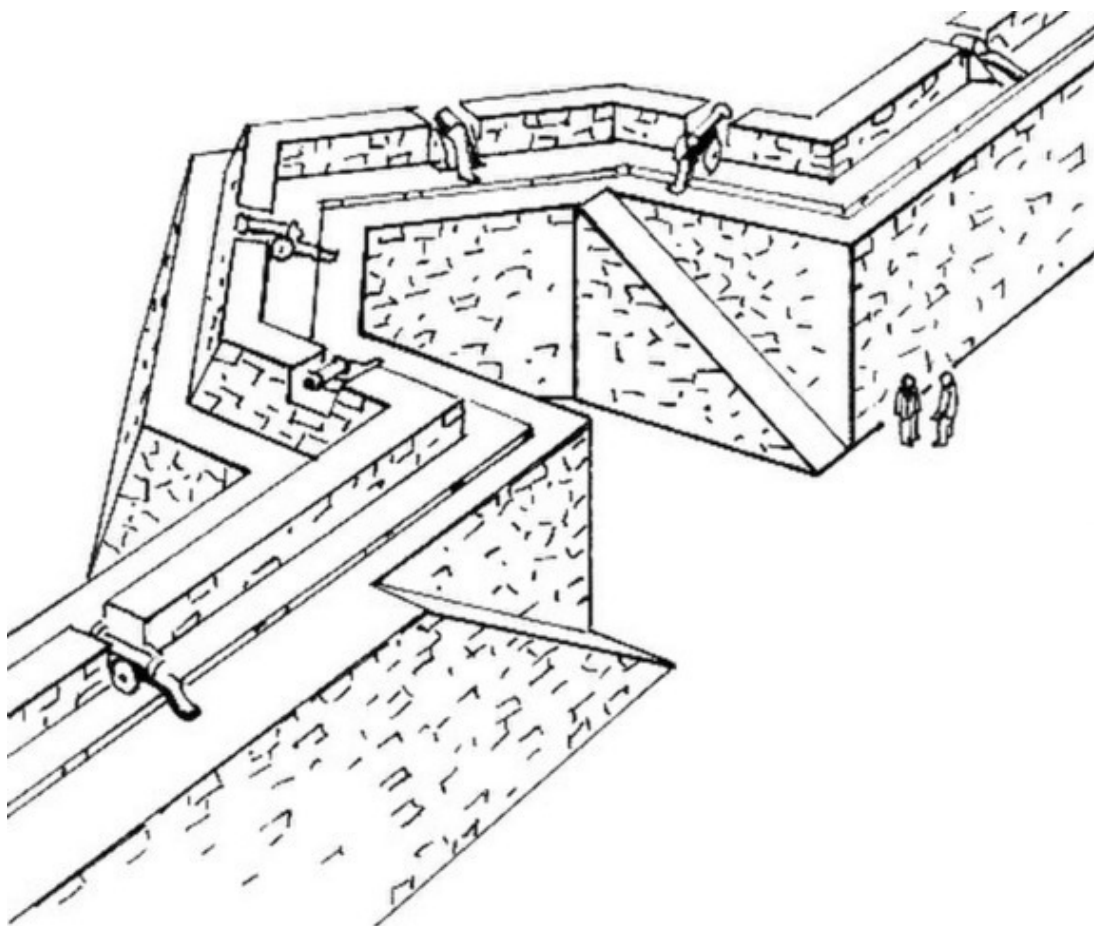
В Высочайше утвержденном предположении о занятиях и действиях войск в 1855—1856 годах изложено было, между прочим, о необходимости устроить военную линию по Малой Лабѣ для того, чтобы продолжить Лабинскую линию до подошвы гор и охранять ее тем от обходов с левого фланга неприятельскими партиями, которые до сего времени не только часто предпринимали набеги в промежутке между Лабой и Кубанью к верховьям Урупа и Тегеней, но отваживались даже вторгаться в Карачай и далее по направлению к Кисловодску.

Мало-Лабинскую линию предполагалось устроить из двух укреплений и двух промежуточных постов таким образом, чтобы одно укрепление находилось у Шахгиреевскаго ущелья, другое – на середине расстояния между сим последним и Каладжинским укреплением, а промежуточные посты – между этими тремя укреплениями, в каждом промежутке – по одному. Работу эту предполагалось разделить на 2 года, ограничиваясь в каждый год постройкою одного укрепления и одного промежуточного поста.

Приступая в нынешнем году к выполнению этого предположения, командующий войсками Правого крыла Кавказской линии нашел необходимым, после подробнаго осмотра местности, сделать в нем значительные изменения. Вместо двух укреплений потребовалось три, и в нынешнем же году приступлено было к постройке двух, с промежуточным между ними блокаузом, а именно:

1. На р. Шедоке, при выходе ее из ущелья в долину Малой Лабѣ, оконченное уже ныне постройкою укрепление на одну роту пехоты и одну сотню казаков. Оно состоит из 4-х фасов, оборонительной казармы с 2-мя тур-бастионами на одно орудіе каждый и с двумя блокаузами, выставленными на высотах правого берега Шедока. В ущелье и по высотам вырублен лес на значительное расстояние от укрепления. Место это имеет ту важность, что при нем сходятся дороги от р. Ходзя к Малой Лабѣ и в окрестности его находится значительное народонаселение, в соседстве котораго было бы опасно ограничиться здесь, как прежде предполагалось, постройкою только одного блокауза на 30 человек пехоты и 50 казаков, на расстоянии 12 с половиною верст от Каладжинскаго укрепления.

2. В 6-ти верстах от Шедокскаго укрепления, выше по течению Малой Лабѣ, постоянный блокауз на 25 человек пехоты с одним орудіем, в том месте, где высоты левого берега Малой Лабѣ выдаются и близко проходят к руслу реки, ниже впадающей в него с противоположнаго берега р. Андрюка. Здесь также вырублен на высотах лес и 1 тур-бастион.

Тур-бастион

3. В 4-х верстах выше блокгауза, на р. Псебае, на том пространстве, где она протекает близ своего впадения в Малую Лабу по долине сей последней реки, строится укрепление на 3 роты пехоты, 3 сотни казаков, 2 пеших и 2 конных орудия; оно будет иметь пятиугольную фигуру из 4-х фасов и горки, примыкающей к реке с 3 тур-бастионами, и будет состоять из оборонительных казарм, по фасам соединенных между собой стенками.

Все оборонительные казармы в вышеозначенных укреплениях построены и строятся из местного леса и снаружи оштукатурены известью.

Для довершения линии по Малой Лабе остается построить в будущем году у Шахгиреевского ущелья укрепление на 2 роты пехоты и 2 горных орудия, с башнями на господствующих высотах, которые также необходимо поставить и в глубине ущелья, дабы пресечь сообщения из нагорной долины Бехчипсхоу, находящейся за снеговым хребтом, в долину Малой Лабы. Постройка этого укрепления с башнями внесена в предположение о занятии и действии войск в будущем году. Постройка штаб-квартиры Севастопольского пехотного полка на левом берегу Большой Лабы, против укрепления Каладжинского, также внесенное в означенное предположение, дополнит Мало-Лабинскую линию.

Внимательно рассмотрев изменения, сделанные генерал-майором Козловским против первоначального предположения о занятии Малой Лабы, и находя их полезными и соответствующими местным требованиям, я одобряю их.

Уведомляя об этом ваше превосходительство для всеподданнейшего доклада о том Государю Императору, имею честь покорнейше просить исходатайствовать Высочайшее утверждение Его Императорского Величества на означенные изменения.

Примечание: Государю Императору благоугодно было утвердить эти изменения (отношение военного министра к князю Барятинскому, от 5-го января 1857 года, №100).

Отношение ген.-адъют. кн. Барятинского к военному министру, ген.-адъют. Сухозанету, от 10-го марта 1857 года, №76.

В. М. Козловский

«...Для Севастопольского пехотного полка штаб-квартира предназначена впереди Мало-Лабинской линии на Ходзе или Губсе; но, по всем вероятностям, к устройству ее в нынешнем году приступить не будет возможности, а потому временно она расположится на Мало-Лабинской линии в укреплении Псебайском...».

Севастопольский пехотный полк был сформирован из №6-го, 7-го, 8-го, 13-го и 15-го черноморских линейных батальонов. 25 марта 1864 г. Он стал называться 75 Севастопольским полком. С 1856 по 1861 гг. полком командовал полковник Лихутин, с 1862 по 1865 гг. полковник, с 1864 г. генерал-майор Гейман, с 1866 по 1874 гг. полковник Авинов, с 1875 по 1878 гг. полковник Вожакин, с 1879 по 1880 гг. – полковник, князь Чавчавадзе [14].

Из первых построек, возведенных солдатами 75 пехотного Севастопольского полка, был Свято-Преображенский походный храм, возведенный в 1856 г. [15]. Только называется он почему-то храмом Архистратига Михаила. В школьном музее сохранилась фотография церкви с примечательной надписью: «Спасо-Преображенский храм урочища Псебай Кубанской области Майкопского отдела, основанный Севастопольским полком в 1856 г. в августе во время

закладки Псебайского укрепления и возобновленный усилиями жителей форштадта. В память русского воинства, живших и павших, при завоевании дикого Кавказа». Церковь сопровождала полку в походах при покорении Западного Кавказа 1864 г. и в Турецкую войну 1877—1878 гг.

Основателем Псебая является Викентий Михайлович Козловский. Он был назначен командующим войсками и Кавказской линии и решил избрать конечным пунктом кордонной линии реку Лабу, соединить долину верховьев Лабы через псеменский лес с Надежинским укреплением, чем обеспечивался контроль за верховьями Большой и Малой Лабы. К 31 декабря 1853 г. отрядом из 6 батальонов пехоты, 21 сотни кавалерии, 360 милиционеров при 18 орудиях и 21 ракетном станке часть замысла генерала Козловского была осуществлена: направление Лабинской линии дано по Малой Лабе; была сделана просека в лесу, по долине Малой Лабы до Андрука, на Андруке избран пункт для постройки поста. А Викентий Михайлович Козловский тем временем рубил просеки в верховьях Малой Лабы, делал весьма удачные походы в неприятельские земли, словом, в разгар Русско-турецкой войны действовал с той энергией, которая не проявлялась у Завадовского и в мирное время. С особенным удовольствием вспоминали очевидцы тех событий почтенного кавказского генерала, в числе многих своих достоинств имевшего главное – умение привязать к себе подчиненных. Переноса все тяготы походной боевой жизни наравне с войсками, он служил им личным примером усердного слуги Отечества. Лагерь на Шедке или Псебае он предпочитал сидению в Ставрополе. «Кто помнит наш прежний кавказский боевой лагерь, – писал И. Дроздов, – тот, верно, согласится, что отрядная жизнь было далеко приятнее всякого прозябания в городе. Днем – перестрелка, к которой прислуживались так, что и слабые нервы легко переносили резкий свист пуль; вечером – товарищеская беседа за стаканом жженка или перебрасывание карт за зеленым столом. Начальство, порешив вопросы на следующий день, не отклонялось от меньшей братии и охотно разделяло с нею время; даже сам командующий войсками пил иногда в компании бокал-другой вина за здоровье своих подданных, бывших его ближайшим сотрудниками. Т.о., все без исключения офицеры составляли как бы одну общую дружную семью» [16].

26 мая генерал Козловский выстроил вверх по реке с отрядом из 12 сотен конницы, 4 конных орудий, 8 станков ракетной команды и 1 батальона пехоты (3-й батальон Севастопольского полка). Отряд дошел до реки Псебая и там подвергся стремительному нападению конных шахгиреевцев и бесленеевцев. Дело было жаркое, четырехчасовое. Неприятель был отброшен с большим уроном, а отряд, достигнув цели, возвратился к вечеру в лагерь на Шедке, потеряв убитыми 7 человек и ранеными 12 человек нижних чинов.

До половины июля месяца работы на Шедке продолжались: рубились просеки, очищались места вокруг укрепления и блокгаузов, заготавливались на зиму фураж, подвозился провиант и прочее [17]. 18 июля выдвинуты и расположены лагерем выше на долине М. Лабы, под начальством Кубанского пехотного полка майора Преображенского, 4 роты пехоты (в том числе две роты 4-го батальона Севастопольского полка) одна сотня казаков, 40 милиционеров и 2 орудия с инженерным транспортом для постановки блокгауза на избранном месте, в 6-ти верстах от лагеря, где еще 29 мая сделана была просека через М. Лабу. Блокгауз этот имел целью прикрывать сообщение между укреплениями на р. Шедок и Псебай. По мере нашего движения неприятельские пикеты отходили назад и перестрелок не заводили. Столь необыкновенная воздержанность горцев происходила оттого, что недалеко от расположения избранного для нового блокгауза начинались их посевы проса и кукурузы, о сбережении которых горцы начали длительные переговоры с командующим войсками; последний согласился не трогать их под условием, что с их стороны не будет подан враждебный повод, хотя бы единым выстрелом. Условие было принято, и благодаря ему командующий войсками 22 июля мог беспрепятственно провести рекогносцировку М. Лабы выше устья р. Большого Псебая или Курджуба для окончательного определения пункта для возведения другого укрепления [18].

Остатки ретраншемента в ст. Андрюки.
На заднем плане Воровская балка

31 июля перевести войска на Псебай, оставив в лагере на Шедке для окончания укрепления 2-й батальон Севастопольского полка, 1-й батальон Кубанского полка, 2 сотни казаков и 6 орудий, под командою Кубанского полка полковника Вельяминова [19]. А работы, сопряженные с возведением укрепления на Псебае тем временем подвигались успешно.

5 августа совершено молебствие и освящено место занятое для укрепления [20]. Псебай был основан в тот момент, когда принесли присягу кизылбековцы во главе со своим князем Султан-Максут Гиреем, а также тамовцы и башилбеевцы. Они присягнули в лице старейшин. Баракаевцы и некоторые общества верхних абадзехов вступили в переговоры и обещали покорность при условии появления наших войск на р. Губс [21]. С. В. Чокмосов пишет: «Козловский принимал участие в закладке форта Александрия (Сочи), форта Головинского (Головинка), форта Вельяминовского (Туапсе), так что Псебай в некотором смысле им „побратим“...»

Продолжателем дела Козловского был Алексей Петрович Грамотин – генерал-лейтенант (родился в 1801 г., умер 10 мая 1874 г.), руководил отрядами Хоперского полка, возводившими Псебай и Шедок в 1856 г. и рубившими просеку через Псеменский лес. М. К. Вальтер писал: «Ввиду того, что все племена между Урупом и М. Лабой покорились, и что имелось уже о приближении отряда генерала Грамотина со стороны Урупа к Б. Лабе, командующий войсками, оставив на р. Псебае для продолжения работ пять батальонов, шесть орудий и четыре сотни казаков, под командою генерального штаба подполковника Рыльцева с остальными пятью батальонами, восемью орудиями, восемью сотнями казаков и милицией, выступил на Б. Лабу к Псеменскому ущелью. Прибыв к устью р. Псемен (приток Б. Лабы) 31 августа, генерал Козловский приказал построить через Лабу пешеходный мост и приступить к рубке просеки навстречу отряду центра. 10 октября оба отряда соединились и провели рекогносцировку в глубь ущелья Б. Лабы. Затем оставив генерала Грамотина продолжать просеку по высотам левого берега Б. Лабы, в обход Тостагаевской теснины», – сам генерал Козловский со своим отрядом вернулся в лагерь на Псебай [22].

М. К. Вальтер сообщает: «На реке Шедке у входа в ущелье, где сходятся дороги от р. Ходзь к р. М. Лаба, построено укрепление наименованное Шедокским – на 1 роту пехоты, 1 сотню казаков и 2 гарнизонных орудия, с двумя тур-бастионами и двумя блокгаузами (расположенными на высотах). В 12-ти верстах выше по М. Лабе на р. Псебае воздвигнуто главное

укрепление, названное Псебайским – на 3 роты пехоты, 3 сотни казаков, 4 полевых и 7 гарнизонных орудий, с тремя тур-бастионами и несколькими блокгаузами на высотах и у моста. На половину расстояния по пути между Псебайским и Шедокским укреплениями поставлен блокгауз на 25 человек пехоты при 1 гарнизонном орудии».

Фортификационный словарь (Казань, Институт истории, АН РТ А. М. Губайдуллин, 2003) сообщает, что тур-бастионы – это каменные пятиугольные башни, которые были приспособлены для двухъярусной обороны (нижний ярус – казематы, верхний – открытая площадка с парапетом); возводилась по углам ретраншемента и отделялись от него рвом. В свою очередь ретраншементом именуют фортификационное сооружение, внутреннюю оборонительную ограду, расположенную позади обороняющихся, позволяющее обстреливать пространство за нею и принуждающее противника, овладевшего главной позицией, вести дальнейшую атаку под огнем. Блокгауз (нем. *Blockhaus* «бревенчатый дом») – фортификационное огневое сооружение, приспособленное для ведения кругового ружейного и артиллерийского огня и для проживания гарнизона. Блокгауз строится из дерева, камня, бетона, стали. Для ведения огня блокгаузы оснащаются амбразурами. В долговременной фортификации блокгаузы применялись главным образом для прикрытия мостов, при обороне в городах, лесисто-болотистой местности, горных проходах и системе долговременных укреплений.

Непосредственным преемником Козловского являлся Михаил Доримедонтович Лихутин. Генерал-майор. Служебную карьеру он начал в 40-х годах и молодым офицером Генерального штаба отличился в Венгерскую кампанию. В 1854 г. его послали на Кавказ, где вскоре назначили начальником штаба Баязетского отряда, который разбил на Чингильских высотах большой турецкий корпус. По окончании войны он стал командиром Севастопольского пехотного полка. С 1856 по 1861 гг. участвовал в непрерывных боях с абадзехами и шапсугами. Сначала он руководил дивизией, а потом по ходатайству генерала Муравьева был назначен командующим 29-й дивизии, а оттуда переведен в Ригу начальником дивизии. Сначала Лихутин подал прошение об отчислении по запасным войскам, а по прошествии нескольких лет, видя свою карьеру завершенной, подал в отставку. Умер Лихутин в Москве в 1882 г. Он издал свои работы: «Русские в Азиатской Турции в 1854 и 1855 гг., из записок о военных действиях Эриванского отряда» (1863) и «Записки о походе в Венгрию в 1848 г.» (1875). В рукописях остались «История Польской войны» и «Война в западном крае». Вел Лихутин записки и о современной ему жизни в России [23]. Он непосредственно руководил строительством псебайского укрепления. Севастопольский полк был сформирован полковником Лихутиным в 1857 г. из 5 Черноморских линейных батальонов [24].

Правда, были серьезные сомнения в необходимости возведения Мало-лабинской линии..

Блокгауз

М. Д. Лихутин

Верхнее укрепление, или форштадт, по мнению современников, располагалось крайне неудачно. Оно находилось прямо под горою, на вершине которой никто не догадался поставить пост. Благодаря этой оплошности горцы видели все, что происходило в укреплении, и даже бросали в окна камни. М. И. Венюков писал: «Для меня Ставрополь был только воротами Кавказа; а потому, проведя в нем 4—5 дней, я спешил отправиться к себе в Псебай, где был штаб-

квартира Севастопольского полка. Забудский предупредил меня, чтобы я не дивился местоположению Псебайского укрепления, потому что оно было выбрано генералом К-мъ после сытного завтрака, обильно политого Марсалою и Кахетинским. Но как ни был я т.о. подготовлен, все же не мог не удивиться, когда прибыл на место. Крепостца была примкнута к высокой и крутой горе так близко, что, стоя на последней, можно было камнями выбивать стекла в жилых постройках внутри форта, что горцы и делали. Наблюдать за всем происходившим на улицах, дворах и даже внутри домов было чрезвычайно легко, а потому не могло быть сомнения, что Кахетинское и Марсала в самом деле играли главную роль в деле основания Псебая. Впрочем, одного ли Псебая? По дороге, в 10 верстах от него, я встретил другое подобное же укрепление, Шедок, и оно тоже было построено у подошвы горы; только на высоте последней стоял сторожевой блокгауз, чего в Псебае не было. Шедок представлял любопытную особенность: в стратегическом отношении он, в 1861 г., был совершенно не нужен, а между тем отнимал для гарнизона роту солдат. Уверяли, что он прикрывает мост через Лабу; но это был вздор, потому что мост находился от них в четырех верстах. Зачем же он оставался, когда горцы из окрестностей были выгнаны и передовая линия наша была перенесена на Ходзь и Губс? А затем, во-первых, что штатные укрепления всегда требовали отпуска ремонтных денег инженерам, которые чинить их и не думали, а во-вторых, что Шедок прикрывал домашнее хозяйство командира Севастопольского полка. Тут у него солдатики сеяли овес для лошадей, пшеницу для приготовления муки на лазаретный белый хлеб, садили овощи, косили сено на окрестных лугах и даже ухаживали за пчельником, доставлявшим мед для больных в полковом лазарете и для торгашей в ст. Лабинской, главном соседнем рынке» [25]. Сомнения в необходимости Мало-лабинской существовали и ранее. В письме командующего войсками Правого крыла Кавказской линии, генерал-лейтенанта Филипсона, к начальнику Главного штаба Кавказской армии, Свиты Его величества генерал-майору Милютину, от 13 мая 1858 года, №129 говорится: «...развитие Мало-Лабинской Линии остановилось в самом начале, а уже укрепление Шедокское и Псебайское оказались в положении неудовлетворительном. Эта линия примкнута к Шахгиреевскому ущелью, которого мы совершенно не знаем. Легко может быть, что подобная рекогносцировка в глубокую осень этого года покажет необходимость продолжить эту линию гораздо далее в горы и тогда явится вопрос: уж не лучше ли сразу занять Белореченскую линию, чем забивать войска в верховья Малой Лабы и строить там укрепления, которые придется упразднить тотчас же, как только приступим к занятию Белореченской линии?...».

М. К. Вальтер описывает дела того времени очень точно. 24 января 5 батальонов поступили на усиление Псебайского гарнизона, сменив собой 1 батальон Ставропольского полка [26]. 19 марта начальник Мало-Лабинской линии полковник Вельямишев вдруг узнает, что конное скопище горцев до 4000 человек, предводительствуемое самим Магомет-Амином, спускается от Ходза в долину Псебая.

Полковник Вельяшев, располагая лишь семью ротами пехоты и двумя сотнями [27] кавалерии, решил тем не менее не только отстоять укрепление, но и не допустить повреждения строившегося моста через Лабу. Поэтому, оставив для непосредственной обороны укрепления и блокгаузов 2 роты кубанцев и 1 севастопольцев (20 роту), остальные 4 роты и 2 сотни казаков при 4-х орудиях вывел из укрепления с целью принять бой в поле.

Севастопольские 17-я, 18-я и 19-я роты под начальством своего батальонного командира П. Винникова составили первую линию, расположившись уступами на интервалах, начиная от западного фаса укрепления до подошвы первого уступа гор; орудия стояли в интервалах, а рота кубанцев и казаки – в резерве. Позиция была под выстрелами батарей укрепления.

Магомет-Амин

Едва построение войск было окончено, как отделившаяся от скопища Магомет-Амина партия до 1000 человек понеслась в атаку на наши войска, но встреченная огнем орудий и ружейных рот севастопольцев партия сразу понесла чувствительный урон, дрогнула, смешалась и отступила. Затем она еще 2 раза повторила атаку, с тем же безуспешным результатом и наконец отошла, присоединившись к главным своим силам, двигавшимся вверх по М. Лабе. После того все скопище, перебравшись на левый берег реки, направилось вниз по течению в долину р. Андрюк, где и расположилась против аула Адиге-Гирея-Конокова.

Опасаясь за строившийся мост, полковник Вельямишев выдвинул в прикрытие ему по ту сторону реки 18 и 19 роты севастопольцев при двух орудиях под командою майора Пруцкого. И действительно, ночью того же числа горцы двинулись к мосту, но, встреченные [28] ружейным огнем севастопольцев с опушки прибрежного леса, они отступили.

В этом деле, говорящем само за себя, мы не потеряли ни одного человека, контужен только пулею севастопольского полка подпоручик Мартус. Что касается до горцев, то по словам лазутчиков, они во время своих конных атак потеряли до 80 человек убитыми и ранеными. Генерал Дебу направился было наказать бесленеевцев за их измену, но получив сведения, что они раскаялись, по разным аулам на большом пространстве бдительно охраняются сильными караулами, он отложил это предприятие до более благоприятного времени, а сам перешел 20 марта с подручными войсками на Андрюк, чтобы окончательно успокоить племена, оставшиеся нам верными. Простояв там несколько дней, генерал Дебу распустил отряд... [28].

Конечно, гарнизон Псебая сделал все, что было ему поручено; довольно того, что он отразил нападение и охранял мост, но все-таки Наиб исполнил свое дело и ушел безнаказанно, а это не могло не иметь в то время вредного для нас нравственного влияния на все горское Закубанское население, в глазах которого Магомед-Амин приобретал блистательный успех [29].

Кстати, Магомед-Амин (Асиялав) (1818—1863), аварец, в 1834 или 1835 г. поступил мюридом на службу к Шамилю и, ввиду своей образованности, всегда находился при нем. В 1848 г. в должности наиба был направлен Шамилем на Северо-Западный Кавказ к черкесским племенам, чтобы возглавить их борьбу против экспансии России. В 1848 г. произошло еще одно событие, значительно повлиявшее на историю Кавказа и общий ход войны. К Шамилю прибыли послы от абадзехов – одного из адыгских народов Северо-Западного Кавказа. Они просили дать им наиба для введения шариата и сплочения народов под знаменем Имамата. Магомед-Амин учредил там суды, установил шариатские законы и создал постоянное войско. Добивался отмены рабства и феодальной зависимости крестьян. Резиденция Магомед-Амина находилась в ауле Хаджох. В честь него там названа речка Аминовка. В 1856 г. признал право Российской империи на владения Кавказа и не оказывал сопротивления рус-

ской администрации. 20 ноября того же года Магомед-Амин вместе с 2 тыс. представителей от абадзехов явился в русский военный лагерь к генерал-лейтенанту Г. И. Филипсону и также принес присягу на верность императору Александру II. Получил от царя ежегодную пенсию в 3 тыс. руб., вскоре выехал в Турцию, где и умер в 1863 г.

М. К. Вальтер свидетельствовал. 1 ноября батальоны Севастопольского полка выбыли из Лабинского отряда и поступили в состав М.-Лабинского отряда, собранного для разборки дороги от укрепления Псебайского к верховьям р. Ходзь [30]. Тогда же Псебай посетил высокий гость. В октябре месяце граф Евдокимов объехал Кубанскую область по передовой линии левого фланга и одним из первых пунктов на его пути было укрепление Псебайское. Севастопольский полк в это время был под Хамкетами, и графа встретил почетный караул от батальона ширванцев. Полковник Лихутин как главный начальник М.-Лабинской линии принимал его в своем доме. На другой день после своего приезда граф осматривал приготовленный по его предварительному распоряжению [31] в громадном количестве шанцевый инструмент. Ряды топоров, лопат, кирок и ломов лежали на площади. Граф, обращаясь к одному из горских князей, сопровождающих его, сказал, указывая на шанцевый инструмент: «Вот им мы будем теперь воевать». «Так дайте и мне это», – отвечал немедленно горец, поднимая с земли тяжеловесный лом.

Наивность горца, уразумевшего в буквальном смысле слова графа, вызвала смех окружающих, и граф в веселом расположении духа, пригласив в коляску князька, выехал из Псебая. За укреплением ожидали выстроенные в ряд богато одетые старшины бесленеевского общества. Граф принял их сухо и остановившись объявил, чтобы они с весною готовились к переселению [32].

Начиная с 1857 г. Псебай видывал виды, в нем когда-то кипела бурная жизнь в духе военного кавказского времени. Нередко случалось, что войска уходили в экспедиции и Псебай охранял один какой-либо батальон и вовсе не своего полка, но зато еще чаще бывало там такое скопление войск, что казалось, что казармы людей не вмещали и войска стояли в бараках или землянках. Одни войска сегодня уходят, завтра приходят новые. Провожать хлебом-солью, и, несмотря на беспрестанные боевые тревоги, пиршествованию и веселью не было перерыва [33]. Были лихачи, которые ради любимой казачки могли проскакать из Псебая в Лабинск или даже в Ставрополь, рискуя быть убитыми или пленными [34].

9 февраля в Псебайском укреплении собрался отряд (12 сотен казаков и сотня милиции при 4 ракетных станках) и направился в верховья реки Псебай и в подкрепление им двинулась колонна под командованием полковника Лихутина (6 рот пехоты Севастопольского полка, 3 батальона, 3 и 5 стрелковые роты и 4 орудия). На рассвете 10 числа кавалерия обнаружила 3 неприятельских коша, окружила и бросилась со всех сторон и почти без выстрела взяла все, что было и имелось: 9 человек сторожевых горцев, 1500 голов баранов, 300 голов рогатого скота и 8 лошадей. При отступлении горцы успели собраться и завязали перестрелку с пехотой, но, потеряв несколько человек убитыми, вскоре отказались от преследования [35].

Генерал Войтицкий предлагал было двинуться к верховьям Ходза, но намерения его не могло состояться по причине глубоких снегов, затруднявших движение артиллерии, и потому отряд с добычей 14 числа вернулся в укрепление Каладжинское, откуда был распущен по квартирам [36].

31 марта на караул в блокгауз между Псебаем и Шедком заступила команда из 26 нижних чинов прапорщика Натиева 19-й роты Севастопольского полка. Хищники сделали засаду, взяли в плен рядового Клина Пойду, неосторожно вышедшего за ограду блокгауза. 27 апреля в карауле на том же блокгаузе Забыло с 26 нижними чинами 9-й роты Севастопольского полка. Была выслана за водою команда из 14 человек. Эта команда углубилась в прибрежный лес, наткнулась на засаду из 200 хищников. Старые солдаты Севастопольского полка вышли с честью из неравной борьбы. Отстреливаясь, команда отступала к блокгаузу, потеряв одного

убитого и 2 раненых (из последних Василий Бондарь взят в плен). Горцам в добычу кроме раненого достались две старые водяные фляги и одно ружье. Но зато они дорого заплатили за это нападение, понеся большой урон от нашего ружейного и орудийного огня [37].

К апрелю месяцу весь Севастопольский полк был сосредоточен под укреплением Псебайским и состоял под начальством полковника Лихутина. Горцы постоянно перехватывали курьеров [38]. 12 мая отряд Лихутина горной тропой выступил против шахгиреевцев. Другой отряд двигался по гравийной дороге, отвлекая внимание горцев. Он же должен был поддерживать главный отряд при отступлении. Скрытности движения помог туман. 15 мая Лихутин внезапно окружил неприятельское селение. Казаки первыми ворвались в аул, за ними шла пехота. В течение часа почти все жители были истреблены, а аул сожжен и уничтожен до основания, весь скот и имущество достались в наши руки. Весьма немногим шахгиреевцам удалось спастись бегством, ибо все выходы были предварительно заняты нашими резервами, а рассыпанные на ближайших высотах стрелки били спасавшихся [39]. Обратная дорога шла по глубоким балкам. Весть об уничтожении аула быстро распространилась. Собралась огромная группа из шахгиреевцев, баговцев, бесленеевцев, махошевцев и даже абадзехов. Горцы с остервенением бросились в шашки со всех сторон. Лес огласился звуками выстрелов. Горцы устроили завалы леса на дороге. Полковник Лихутин был ранен пулей, но энергия ни на минуту не оставила его. Отступление замедлилось. Лишь когда наши вышли в долину, преследование прекратилось. Горцы потеряли 300 человек [40]. Уничтожение труднодоступного аула привело к распаду племени шахгиреевцев и их выселению либо на Ходзь, либо в глубь гор. Наши потеряли убитыми 1 офицера, 57 нижних чинов, ранено 6 офицеров и 175 нижних чинов, 35 нижних чинов пропали без вести. Погиб прапорщик Петленко, капитан Дове, прапорщик Кулик, подпоручик Подставский, прапорщики Секирский и Высоцкий, подпрапорщик Александр Ракитин и 134 нижних чина. Контужены майор Забелло, прапорщики Высоцкий 2-й и Коваленский и 28 нижних чина [41].

М. К. Вальтер описывает и другой поход. Ныне же на долю полковника Лихутина выпало положить конец этому ненормальному порядку вещей. Полковник Лихутин 15 февраля, оставив гарнизон укрепления Псебайского 2 роты Брестского полка с частью казаков и артиллерии, с прочими войсками М.-Лабинского отряда (4 $\frac{1}{4}$ батальона пехоты, 8 сотен казаков и 6 орудий), имея на людях 2-дневное продовольствие и с обозом из нескольких повозок под раненых, выступил из укрепления в 10 часов пополудни на р. Ходзь, взяв середину населения бесленеевцев и беглых кабардинцев.

Оставив в арьергарде обоз и артиллерию с 3 ротами Брестского полка (майора Богуславского), с остальными войсками Лихутин пошел к Ходзу безостановочно, рассчитывая произвести нападение неожиданно для неприятеля.

Артиллерия была сдана в арьергарде на том основании, что растворенная последними дождями [42] почва до крайности замедляла ее движение. К рассвету отряд прибыл к вершине водораздельного хребта. До этого места дорога была еще довольно сносная, но спуск с хребта к Ходзу был чрезвычайно крут, узок. С правой стороны спуска возвышались отвесные высокие скалы, а с левой лежала глубокая котловина одного из ущелий, выходящего на долину Ходза. Артиллерии было бы невозможно подняться обратно по этому разгрязненному дождем спуску, поэтому Лихутин приказал арьергарду остановиться и расположить артиллерию по склонам скал, у подошвы которых надлежало следовать отряду.

В это время рассвело совершенно, но сплошная масса опустившихся облаков плавала по всей долине Ходза, что способствовало скрытности дальнейшего движения отряда.

От спуска со скал местность изрезана балками и оврагами и путь следования пересекался 5-верстной ширины редким лесом. Действовать методически без артиллерии было немыслимо, и поэтому Лихутин предпочел двинуться вперед быстро, с тем чтобы, нанеся горцам возможно больший вред, в тот же день возвратиться на М. Лабу.

Лес оказался пересеченным тремя завалами; близ первого из них была оставлена засада из 5-й линейной роты Севастопольцев (поручик Бетафура) и роты пластунов, а за этими частями за лесом поставлены были три сотни казаков. Остальные два завала приказано было войскам разобрать.

По выходе из леса дорога к Ходзу пролегла на протяжении трех верст [43] по открытой полости, дальше виднелись сакли большого аула, принадлежавшего бесленеевским старейшинам Хаджи Тлоховукову и Магомет-Али Тлоховукову. Горцы видно не ожидали нападения, не держали караулов, и мы приблизились к аулу незамеченными.

Равнина не была подернута туманом, движение отряда по выходу из леса неминуемо должно было быть открыто неприятелем, поэтому нападение следовало произвести как можно быстрее, чтобы жители не успели спастись, а отступление от аула надлежало совершить тоже по возможности поспешнее, дабы не дать времени горцам собраться из окрестностей.

Исполнение этого трудного поручения было возложено на есаула Есаулова, который с 5 сотнями казаков напал на аул так внезапно и стремительно, что немногие из жителей успели спастись; большая часть защищавшихся в одиночку, по саклям, была перебита; имущество и скот захвачены: в плен взяты только жена Хаджи Тлоховукова с сыном, 1 женщина и 1 девочка, аул был подожжен одновременно со всех сторон и сгорел до основания.

Все это было исполнено Есауловым столь быстро, что Лихутин с 2-мя стрелковыми ротами своего полка подошел лишь тогда, когда казаки выходили из аула с пленными и захваченным скотом и имуществом, и оставалось лишь прикрыть стрелками отступление казаков [44].

Тревога по Ходзу распространилась моментально: заунывно зазвучали по горам призывные клики горцев, загремели сигнальные выстрелы. Стали собираться и массироваться неприятельские всадники. Лихутин приказал кавалерии с добычей отходить к арьергарду, на скалы, а сам с пехотой отошел в лес, к месту, где разобран последний завал.

Еще во время прохождения нами леса неприятель большими толпами настиг и атаковал нашу пехоту с фронта и с флангов. Жаркий бой загорелся повсюду. Горцы, ожесточенные гибелью аула, ободренные отсутствием при нас артиллерии, надеясь на местность, которую они считали неприступною, отчаянно бросились в шашки, но осыпаемые градом пуль севастопольских 3-х стрелковых рот, смело защищаемых редким лесом, они были отбрасываемы с громадным уроном и с тем чтобы вновь накинуться с неослабным ожесточением.

В это время другие скопища стали спускаться с гор наперерез пути нашего отступления к тому месту, где была поставлена засада.

Неожиданно наткнувшись на нее, они были сперва встречены убийственным огнем пластунов и сейчас же приняты в штыки пластунами и 5-й ротой севастопольцев. Эта часть горцев была отброшена в балку и удержана, покуда остальная пехота под личным предводительством Лихутина не подошла к этому месту. Тогда пластуны поступили в арьергард совместно с севастопольскими [45] стрелками под общее начало Севастопольского полка майора Гораева.

Горцы с самых отдаленных аулов по Ходзу успели собраться к месту дела. Бой уже кипел около 3 часов. Стрелки и пластуны отвечали атакой на атаку, оспаривали у горцев тела, горцы и русские соревновались друг с другом в проявлении отваги. Отступление в блестящем порядке шаг за шагом продолжалось до тех скал, что были заняты нашей артиллерией. Встреченные внезапно сверху артиллерийским огнем и ружейным, приостановившейся всей пехоты горцы были окончательно вынуждены прекратить преследование и скрыться в глубь леса.

Тогда пехота поднялась по тропкам на скалы и соединилась с арьергардом, и после продолжительного привала отряд прибыл к вечеру под укрепление Псебайское.

В этой кровопролитной бойне, по показаниям самих горцев, погиб цвет населения Ходза и соседних племен.

Одних старшин пало до 60 человек, а общая потеря горцев определялась до 400 человек. Из наиболее известных лиц убиты медовеевский князь Би-Хагиев, бесленеевский князь Бек-Мурза Коноков, старшина Магомет-Али Тлокодуков и прочие, в числе пленных были: владелец истребленного аула Хаджи Тлокодуков, беглый Бабуковский казак Эдых Батырев, постоянно водивший хищнические партии на наши линии, и князь Джамбот Каноков.

Кроме пленных и разного имущества (183) нами захвачено было 27 голов рогатого скота, 112 баранов.

Действия против горцев, живших в таких недоступных тущобах, куда еще не заходили до столь наши войска, не могло иным обойтись без чувствительной потери. Ранены севастопольского полка подполковник Винников, подпоручик Станиславский и прапорщик Грановский, литовского полка штабс-капитан Лельевр и смертельно ранен командир пластунов сотник Щебликин. Сильно контужены севастопольского полка капитан Шмаль, подпоручик Морозов и прапорщик Демидов. В общем нижних чинов убито 26 и ранено 104 (в том числе севастопольского полка 19 убитых и 70 раненых).

В донесении об этом деле полковник Лихутин свидетельствовал о стойкости и храбрости войск и с особенной похвалой отзывался о севастопольских стрелках, а также о пластунах, к сожалению лишившихся своего храброго командира.

Из лиц, обративших на себя особое внимание начальника отряда, упоминаются: есаул Есаулов, которому принадлежала честь истребления аула, севастопольского полка подполковник Винников, майор Гораев, капитан Дове и Шмаль, штабс-капитан Звенигородский и Хастатов, поручик Козелков, Лисяков и Бетафура, подпоручик Станиславский и Морозов, лекаря Жизневский и Ляхницкий, и разных других частей: майор Богуславский, есаул Ягозов и подпоручик Боровский.

Погром 20 февраля потряс морально не только бесленеевцев, но и все [46] окрестные племена. Печальная весть распространилась по горам и способствовала упадку духа и расположению к непокорству. Это в полной силе сказалось, когда полковник Лихутин с отрядом 24 февраля двинулся в долину Андрюка. Не прошло и трех дней, как кизылбековцы, башильбаевцы и тамовцы выдали аманатов, согласились выселиться по первому требованию и подчинились нашему управлению, войдя в состав вновь учрежденного приставства, временным управителем которого на первых порах назначен капитан Дове. Шахгиреевцы же с их согласия были выселены в Тохтамышевское приставство на Кубань.

После понесенного поражения бесленеевцы, за исключением двух аулов, согласились на выселение по нашему указанию, – бросили места по Ходзу и переселились в горные ущелья к стороне реки Белой [47].

Приставство – административно-территориальная единица Российской империи в конце XVIII – начале XX вв. Приставства, территориально соответствующие уездам, образовывались для управления мусульманскими народами Кавказа (Бештовское, Верхнекубанское, Верхне-лабинское, Джигетское, Закубанских народов, Кабардинское, Карамурзинских и кипчакских ногайцев, Карачаевское, Нижнекубанских народов, Нижнелабинское, Новолабинское, Тебер-

динское, Тохтамышевское, Трухменское и др.) и Средней Азии (Зайсанское, Красноводское, Мангишлакское и др.). Приставства могли быть как основной административной единицей на какой-либо территории, так и единицей управления «инородцами» при наличии параллельных административных единиц для управления русским или другим христианским населением.

Кстати, есть точные данные о том, что представляли из себя тогдашние абазинские племена.

Рапорт начальника Штаба войск Правого крыла Кавказской линии полк. Кроиеруса начальнику Главного штаба Кавказской армии свиты Его Величества ген.-м. Милютину от 21-го августа 1858 года №4378:

...4) Два Тамовские аула Солиман Зурумова и Джентимира Зурумова находятся в самом Тамовском ущелье; в обоих аулах около 150 двор. 5) Кизылбековцы, под управлением кн. из рода Кизылбека, живут на левой стороне Большой Лабы по течению Андрюка в пяти аулах: Сагат Гирея, Султина Аканч, Докжей Докшукова, Сиралык Казбекова и Самалха; во всех считается около 300 двор, и 6) Шахгиреевцы, имеющие 4 аула, прилегают к Малой Лабе у выхода оной из Шахгиреевского ущелья. Эти аулы суть: Магомета Кубатова, Ефенди Шаторова, Кель Мурзиева и Цекшнева; всего число двор. будет около двухсот. Башильбаевцы, тамовцы, кизылбековцы и шахгиреевцы, с заселением Мало-Лабинской линии, изъявили покорность и, считаясь ныне мирными, относятся по своим делам к начальнику Мало-Лабинской линии [48].

Любопытно, что даже перед лицом явной угрозы горские народы не сумели сплотиться.

Рапорт начальника Мало-Лабинской линии полк. Лихутина командующему войсками Правого крыла Кавказской линии ген.-л. Филипсону от 17-го июля 1858 года №1042:

...9-го числа июля партия Медовеевцев в 250 чел. перешла через снеговые горы и разорила небольшой аул мирных Бесленеевцев, находящийся между Кизылбековскими и Тамовскими аулами, причем все мужчины (10 чел.) были убиты, женщины и дети взяты в плен, а дома сожжены. Тамовцы, бешлебеевцы, кизылбековцы и бесленеевцы, живущие на правой стороне Малой Лабы, преследовали медовеевцев, настигли их, и в происшедшей между ними драке первые народы потеряли 6 убитых и до 20-ти чел. раненых, а медовеевцы, по показанию первых, оставили 20 тел и, кроме того, весьма значительное число убитых и раненых унесли с собою. В настоящее время тамовцы, бешлебеевцы и бесленеевцы ожидают, что медовеевцы будут им мстить, и потому содержат к стороне снеговых гор караулы, но не доверяют кизылбековцам, которые приходится родственниками медовеевцам, и укоряют их, что при преследовании 9-го июля медовеевцев кизылбековцы действовали слабо; чтобы отомстить медовеевцам, упомянутые выше племена собираются сделать на медовеевцев набег и разорить их аулы. (*Арх. Шт. Кавк. Воен. Округа. Дело Гл. Шт. Кавк. Армии 2-го отдела Ген. Шт., по описи 1858 года №110, стр. 2*) [49].

История боевых действий Севастопольского полка не была бы полна без описания следующих столкновений.

В 1859 г., наряду с мелкими тревогами, на Лабинской линии произошло два весьма крупных столкновения с горцами. В ночь с 8 на 9 июня конная партия горцев до тысячи человек незаметно подошла к станице Зассовской и укрылась в лесу. Утром следующего дня казачий разъезд, высланный из станицы, обнаружил изготовившегося к атаке противника. Горцы бросились к переправе через Лабу, но зассовский воинский начальник, капитан князь Беймурзов, собрав наличных казаков двух донских сотен, встретил нападавших ружейным огнем и заставил их отступить. Беймурзов перешел Лабу и стал наблюдать за партией, которая никуда не уходила, словно чего-то дожидаясь.

Неожиданно горцы разделились на две части и бросились на пасшийся близ станицы скот; отбив его, погнали к Ходзи. В это время горцев заметили из укрепления Каладжинского и подняли тревогу, открыв стрельбу из орудий. Из укрепления выступила колонна в составе

двух пехотных рот при двух орудиях и взвода казаков хоперской сотни с есаулом Фисенковым и сотни Кубанского полка под общим командованием капитана Калинина. Колонна двинулась к переправе наперерез горцам. Пройдя три версты и не видя противника, она остановилась и выслала на разведку разъезды.

Одновременно на звук пушечных выстрелов из отряда на реке Окарте к месту тревоги направился майор Басов с двумя ротами, одним орудием и двумя сотнями казаков Кубанского полка. Следуя правым берегом Лабы, Басов заметил у Подольского моста горцев и приказал есаулу Зрянину с казаками атаковать и навести их под огонь пехоты и артиллерии. Зрянин во главе своих двух сотен Кубанского полка перешел Лабу между постом Осторожным и Каладжею, развернул сотни и бросился в шашки на противника. Горцы отступили, но затем оправились и, в свою очередь, окружили кубанцев.

В этот момент капитан Калинин, подошедший к месту боя с колонной, послал на поддержку Зрянина есаула Фисенкова со своими казаками, приказав ему как старшему принять общее командование над всеми сотнями и оттеснить горцев. Фисенков и князь Беймурзов одновременно выдвинулись вперед и присоединились к Зрянину. Фисенков увидел, что силы слишком не равны, и, не рассчитывая устоять против неприятеля в конном строю, приказал казакам спешиться. Сотни спешились, рассыпались в густую цепь по кустарникам на пригорке на пути неприятеля и открыли огонь.

Увидев перед собой незначительные силы, горцы гикнули и с пальбой и обнаженными шашками бросились на спешенные сотни, но были встречены удачным залпом, вырвавшим из их рядов несколько человек, и отошли. Последовавшие еще несколько неудачных атак принудили противника пойти на последнюю меру. Собравшись в густую и плотную толпу, горцы бросились на казаков и прорвали строй. Закипел отчаянный рукопашный бой. Казаки рубились насмерть. Многие из них пали под ударами горских шашек, но не дрогнули и не подались назад. Героической смертью пали есаул Зрянин и хорунжий Ткачев.

В этот тяжелый для казаков момент одновременно с двух сторон подоспела помощь: из Псебайского укрепления прискакали две сотни 2-го хоперского полка и полусотня донцов, а с другой стороны подоспела колонна Калинина. Прибывшие хоперцы и донцы ловким маневром соединились с сотнями Фисенкова и дружным натиском ударили по горцам, отбросив их на колонну капитана Калинина. Поражаемые картечью и атакованные пехотой во фланг, горцы на переправе через Ходзь понесли жестокое поражение. На поле боя осталось более 20 вражеских тел с оружием и 40 убитых лошадей с седлами. Подхватив еще многих убитых и раненых, горцы бросились в лесистые ущелья Ходзи и скрылись в них. Дорогой ценой далась казакам победа – в сотнях были убиты два офицера и 12 казаков, еще 64 казака получили ранения [50].

В 1858 г. партия в 400 человек абадзехов, убыхов и шапсугов пыталась захватить Псебай, но была рассеяна [51]. В том же году последовало и второе нападение. Две партии черкесов в 600 и 150 человек пытались угнать скот. Одни отвлекали солдат ложным нападением, а другие гнали скот через реку. Нападение было отбито, и врага вынудили отступить в горы. Более подробно об этом известно следующее. Второе столкновение с горцами произошло 19 октября близ Псебайского укрепления. В этот день около 10 часов утра партия горцев в 600 человек скрытно двинулась от Шедока к Псебаю правым берегом Лабы; другая партия в 150 человек одновременно с первой показалась на высотах восточнее укрепления. В это время под прикрытием 25 хоперских казаков и стрелковой роты перегонялся скот из укрепления на водопой. Как только спустились к Лабе, первая партия стремительно бросилась на русский берег, чтобы отбить и отогнать скот, но орудийные выстрелы из укрепления осадили горцев, которые успели, однако, отхватить половину гурта и перегнать его за Малую Лабу. В это время из укрепления выступили две хоперские сотни с есаулом Фисенковым и хорунжим Алейниковым, которые смело ударили в тыл горцам и на переправе отбили скот, а затем врубались в толпы неприятеля.

Неся потери от огня казаков, пехотинцев и орудий, горцы отступили в горы, оставив на поле боя всю захваченную добычу и восемь убитых всадников при полном вооружении [52].

Это событие нашло отражение в песне хоперских казаков:
Незнакомые шли гости в укрепление Псебай.
Девятнадцатого октября шла долиною орда,
Вдруг проклятая орда захватила гурт скота;
Захвативши всю скотину, погнала в лабинскую вершину.
Есаул Фисенков с нами впереди орлом летел;
Горцы вдруг назад вернулись, на нас в шашки
бросились,
Но мы сами не уstraшились, были драться готовы.
Храбрый есаул был с нами, крикнул: «Дети, на ура!
С Богом все! вперед! Я с вами,
Победим мы здесь врага!..»
Как за речкою Лабою начинали бой с ордою... [53]

М. К. Вальтер так описывает это происшествие. Накануне события в укрепление было пригнано 200 голов скота. В 8 часов утра партия горцев до 400 человек, воспользовавшись тем, что часть команды ушла на рубку леса, напала и собралась угнать скот. Большую часть стада удалось угнать к укреплению. Горцы сразу попали под огонь наших орудий и успели сделать только один залп. Но им удалось захватить часть стада. Отличился храбрый и расторопный поручик Бахаров, который был тяжело ранен. Прибывший полковник Лихутин бросился по Андрюку, чтобы не дать врагу перейти через Малую Лабу. Часть отступавших удалось рассеять, но большая часть со скотом ушла в горы. Горцы потеряли 37 человек убитыми. Среди пленных оказался служивший на русской службе Ахмед Хаджи Абуков. Наши потеряли 1 офицера и троих казаков [54]. То же самое было проделано с бесленеевцами [55]. 19 сентября Псебайский гарнизон блестящим образом отразил неслыханно дерзкое покушение сильной партии горцев, намеревавшихся завладеть укреплением.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.